

Ловушка для птиц

Автор:

Виктория Платова

Ловушка для птиц

Виктория Евгеньевна Платова

Холодный Петербург. Унылый скрип автобусных дверей. Сорок две остановки. Пассажиры входят и выходят. Ритмичный и бесконечный круговорот. И никому нет дела до девушки, которая сидит на заднем сиденье, прислонившись к окну. Она неподвижна. Она мертва. Позже криминальный эксперт скупно констатирует: девушку убил профессионал. Хладнокровно и точно он вонзил в ее тело нож, что вызвало мгновенную смерть. И никаких зацепок. Только вопросы. И порывистый ветер с Невы, гуляющий по сырým кварталам и нагоняющий смертельную тоску...

Виктория Платова

Ловушка для птиц

© Платова В., 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Часть первая. Автобус № 191

Салон

...Тело нашли, когда автобус, простояв на остановке у станции метро «Петроградская» обычные две минуты, двинулся по маршруту обратно – к реке Оккервиль. Собственно, «нашли» было не совсем точным определением. Труп около часа маячил перед глазами как минимум одного человека – контролера-кондуктора Анны Николаевны Маврокордато. Брагин, как мог, посочувствовал тяжелой доле работников общественного транспорта, после чего посетовал на погоду, расспросил о семье и шумно восхитился аристократизму кондукторской фамилии.

На этом первую часть операции (проходившую под кодовым названием «Размочи печенюшку») можно было считать законченной. Много времени она не заняла, учитывая фактуру Брагина: простачок, миляга, верный муж и хороший сын, чье хобби – клеить модели надводных кораблей. Примерно таким его видела кондукторша Маврокордато, примерно этого взгляда сам Брагин и добивался. Хорошим сыновьям невозможно отказать, ради них и напрячься не грех. Во всяком случае, напрячь память. Выудить из нее все, что касается последнего часа.

Девушки, сидящей на заднем сиденье автобуса номер 191.

У окна.

Сейчас возле тела девушки хлопотали двое – судмедэксперт Игорь Самуилович Пасхавер и молодой опер-стажер Паша Однолет, Брагин присоединится к ним позднее. Сразу по окончании второй части операции – «Выкорми ворона». Этот немудреный термин означал: заставь свидетеля вспомнить все. До последней мелочи, вроде бы не относящейся к делу. По опыту Брагин знал: именно такие мелочи частенько становятся отправной точкой расследования. Именно из них проклеваются самые жизнестойкие версии.

– Давайте-ка припомним, Анна Николаевна, – мягким, терапевтическим голосом произнес Брагин. – Когда... эм-мм... девушка появилась в салоне?

- На какой остановке, что ли?

- Было бы замечательно, если бы вы вспомнили.

- А знаете, сколько их, остановок? - внезапно заочевряжилась почти прирученная кондукторша. - Сорок две!

- Ого.

- И целый божий день перед глазами хороводятся. Туда-сюда, туда-сюда. А люди? Ведь толпы же, толпы! И не всякий платит... А иногда и обхамят. Да так, что всю оставшуюся смену руки трясутся.

- А девушка? Она ведь заплатила?

- Ну, раз ехала себе спокойно, - тут подбородок у Маврокордато дернулся, - значит, заплатила.

- Карточкой или наличными?

- Спросите чего полегче... Не знаю я. Не помню.

Брагин неожиданно разозлился на Анну Николаевну. Хотя... Чего там злиться? Не так уж много времени и сил он потратил на кондукторшу. И не явил себя во всей - яростной и нежной - красе премьеры провинциальной театральной студии. А выход из ситуации все равно найдется: достаточно только внимательно изучить каждую из остановок на маршруте. При некоторых наверняка обнаружатся перекрестки, снабженные видеокамерами. Видеокамеры можно найти и на ближайших к остановкам строениях: жилых домах, супермаркетах, торговых центрах. Далее последует просмотр пленок, работа муторная и тоскливая. Но таковой она всегда и была, за некоторыми исключениями. Вообще вся, а не только сбор улик и доказательств. После недолгой феерии и мексиканского карнавала в честь обнаружения трупа, всё медленно сползает в рутину. В тягомотину, канцелярщину; в разносы от начальства и ненормированный рабочий день. Впрочем, в его - Брагина - случае ненормированный рабочий день - это даже хорошо.

Это спасение.

А вот Паше Однолету точно не спастись. Совсем скоро он отправится на стайерскую дистанцию, где повсюду рассованы камеры видеонаблюдения. Не исключено, что в полном одиночестве: нехватка людей – проблема, с которой Брагин сталкивается постоянно. Только с досужими умниками наблюдается явный перебор. Слава богу, лейтенант Однолет к ним не относится.

– ...Хамят от души, злодеи, – снова начала жаловаться Маврокордато. – Как будто кондуктор – не человек. Как очередное повышение за проезд – так и огребаю по полной. А я, что ли, эти цены устанавливаю? Тариэл!

Брагин не сразу понял, что обращается она к водителю, который все это время находился в передней части автобуса. За исключением двух выходов на перекур в крошечный палисадник рядом с местом парковки. Водителя звали Тариэл Кобахидзе, и был он невысок и тонок – как будто вырезан из жести. И одет совсем не так, как обычно одеваются водители общественного транспорта. Черный костюм-тройка и галстук цвета давленной вишни. Одежда не новая, но тщательно отутюженная и вычищенная.

– Тариэл! – воззвала кондукторша.

– Да, дорогая. – Голос у жестяного грузина оказался на удивление мягким. Как если бы он обращался к ребенку, а не к толстой, грубо покрашенной тетке шестидесяти трех лет от роду.

– Где тот охламон вышел?

– Какой, дорогая?

– В рыжей шапке вязаной. Скандалил со мной. И шарф на нем был зенитовский... А когда выходил – девчущку с ног сбил, на остановке. А ты ждал еще, когда она поднимется. Специально двери не закрывал.

– А-а-а... – Тариэл поскреб тонким пальцем переносицу. – Нерчинская.

– Точно! – почему-то обрадовалась Маврокордато. – Нерчинская. С той стороны, где дома строят. Там-то все и произошло.

– Что именно? – нахмурил брови Брагин.

– Она и есть девчушка с остановки. Которая...

Кондукторский подбородок, описав в воздухе небольшую дугу, указал на Пасхавера и Однолета, все еще копошившихся у тела.

– Значит, так. Вошла в среднюю дверь. Отдала мелочь за билет. Ну и... Села... Стало быть, на то место, где ее потом нашли.

– Вот видите! – похвалил кондукторшу Брагин. – Отличная у вас память, Анна Николаевна. Прямо как у разведчика-профессионала. Так что наговаривали вы на себя зря.

На дряблые, под густым слоем пудры щеки Маврокордато взбежал легкий девичий румянец – так вдохновили женщину слова следователя, его безыскусная похвала.

– Рюкзак.

– Рюкзак? – переспросил Брагин.

– При ней был рюкзак. Красный такой, матерчатый. У меня похожий есть, я с ним на дачу езжу. Она, как села, сразу рюкзак на колени поставила.

– Вы хорошо помните?

– Так ведь разведчик-профессионал, – хихикнула Маврокордато.

Известие о рюкзаке не слишком обрадовало Брагина, поскольку ничего похожего при мертвой девушке не обнаружили. Но и не верить кондукторше оснований тоже не было. Одно из двух: либо рюкзак забрал убийца, либо нечистый на руку пассажир, воспользовавшийся ситуацией, – и такие встречаются, пусть и изредка.

Итак, рюкзак забрал убийца. Самый вероятный исход.

Потому что представить случайного попутчика, хладнокровно крадущего вещи мертвеца, да еще в забитом людьми автобусе, Брагин – при всем богатстве своего воображения – мог с трудом. Что делает нормальный среднестатистический человек, обнаружив рядом с собой труп? Реагирует – и, как правило, непроизвольно и бурно. Кричит, размахивает руками, призывает в свидетели всех, кто оказался поблизости: кому охота оставаться перед лицом только что нагрянувшей смерти в гордом одиночестве? Никому. За вычетом извращенцев, отморозков и клинических социопатов. С некоторыми из них Брагин был знаком лично. И даже изредка промышлял пятничным бар-джампингом, если удавалось выбраться из-под рабочих завалов.

К этой сомнительной категории граждан никак не относилась гражданка Жарких Валентина Владимировна, третий (после Маврокордато и Кобахидзе) ключевой свидетель. Именно она обнаружила, что сидящая рядом с ней девушка мертва, – в тот самый момент, когда автобус слегка занесло при повороте с Большого проспекта на улицу Ленина. И по инерции труп опрокинулся на ничего не подозревающую Жарких. «Опрокинулся» – именно это слово впоследствии употребила свидетельница. На взгляд Брагина – склонная к мелодраматическим преувеличениям. Сейчас принявшая успокоительное Жарких отсиживалась в «Скорой», которая прибыла за телом, – и ее еще предстояло допросить.

Другое дело, что гипотетический транспортный вор мог принять девушку за спящую, просто умыкнуть рюкзак и совершенно спокойно выйти из автобуса. После чего выпотрошить улов в тихом месте, забрать все более-менее ценное, а документы...

Стоп. Документы.

Документы обычно подбрасывают в ближайшее полицейское отделение. Или пытаются позвонить потерпевшим со старой, как мир, рождественской историей о том, что они нашлись на остановке, в гипермаркете или в сетевом кафе «Брынза». Что может отследить Брагин? Отделения полиции. К ним и надо обращаться.

– ...И куда же он делся, рюкзак? Не видели?

– Чего полегче спросите, – вздохнула Маврокордато. – Тут так за рейс накувыркаешься, что света белого не взвидишь, а вы говорите – рюкзак.

– А тот... охламон в рыжей вязаной шапке... Он специально девушку с ног сбил? Или случайно получилось?

– Кто ж его знает? Только такие типусы ничего просто так не делают. Спят и видят, как бы напакостить безнаказанно. Эхх-х. Распустилась молодежь...

И снова на щеках Маврокордато заплясал румянец; на этот раз – праведного гнева. Но до сакраментальной фразы «Сталина на них нет» дело так и не дошло. И вообще, несмотря на бесконечные причитания, кондукторша оказалась женщиной толковой и цепкой. Не прошло и пяти минут, как в сознании Брагина укоренилась схема поездки, вернее – этюд, сделанный широкими уверенными мазками: белый автобус, сине-стальной город за стеклами и несколько пестрых пассажирских волн, захлестывавших салон.

Всего волн было три.

– Раз на раз не приходится, – сказала Маврокордато, – когда больше, когда меньше. Но сегодня их было три.

От Нерчинской, где села девушка, до метро «Новочеркасская» автобус шел полупустой и у метро опустел окончательно. Чтобы заполниться под завязку сразу за мостом Александра Невского, у гостиницы «Москва». Это была первая волна, схлынувшая в районе площади Восстания. Вторая волна оказалась внеплановой: на Гостинке салон заполнили китайцы.

– Два десятка, не меньше! А может, все пять. И чемоданов сотня. Стрекотали по-своему так, что уши закладывало. Ультразвук, точно вам говорю. И эти их улыбочки фирменные! И ни одна сволочь не заплатила, ни одна.

Китайцы вполне ожидаемо катапультировались у Эрмитажа, после чего автобус № 191, задев по касательной Стрелку Васильевского острова, покотился на Петроградку. Там его поджидала третья пассажирская волна, плавно сошедшая на нет между двумя станциями метро – «Спортивной» и «Петроградской». И все это время Анна Николаевна балансировала на гребне, как заправская серфингистка: протискивалась между преющими в тесноте пассажирами,

тыкала в проездные документы валидатором и билечивала всех остальных, проездных документов не имевших.

Работы невпроворот, тут уж не до девчонки.

То есть периодически Маврокордато натыкалась на ее капюшон, низко надвинутый на лицо. И в какой-то момент ей даже показалось, что пассажирка задремала, ах, кто бы знал, мил человек, чем все закончится, кто бы знал!..

- Почему вы так решили? - поинтересовался Брагин.

- К окну привалилась, вот почему.

- Так и сидела?

- Чего бы не сидеть в тепле-то?

- Долго?

- Не то, чтобы долго, а... все время.

- Так уж и все время?

- После «Спортивной» уже. Ближе к Чкаловскому проспекту.

- А рюкзак?

- Вот мне еще про чужой рюкзак думать, - пожала плечами Маврокордато. - И так голова кругом. Триста человек на ней висят, каждую секунду.

Триста человек, даже учитывая перманентную автобусную загруженность, были явным преувеличением. Как и пять десятков китайцев с сотней чемоданов. Вот такой женщиной была Анна Николаевна - щедрой на цифирь и не в меру широкой, масштаб - 1:5.

- Но его же нет, рюкзака. А на Нерчинской был, как вы утверждаете.

- Был.

- А на Восстания?

- А на Восстания толпа была. Не до рюкзака.

- А на Гостинке - китайцы.

- Именно.

- И никто не выходил с чем-то похожим?

- Может, и выходил. Через заднюю дверь, когда я возле передней колготилась. Или наоборот - через среднюю. Центр города. Давка. Вынесло общим потоком - и поминай как звали.

Дохлый номер - выяснять подробности бытия переполненного автобуса, - подумал Брагин. Но, на всякий случай, спросил:

- Может, видели, кто сидел рядом с потерпевшей?

- Берет махровый красный сидела, - после недолгого молчания отозвалась Маврокордато. - Как на «Петроградской» вползла, так сразу рядом и плюхнулась. Она и обнаружила...

Красный берет принадлежал гражданке Жарких и в данный момент интересовал Брагина меньше всего.

- А до берета? Кто еще?

- Чего полегче спросите... - затянула старую песню кондукторша, но тут же перебила сама себя: - Еще парень был. Станный.

- Почему вы так решили? Он необычно выглядел? Вел себя?

– Да нет. Выглядел – как все они сейчас выглядят. Музыка в ушах. Шапка на затылок свисает, будто в нее дерьма навалили... Уж простите, но по-другому не скажешь... Бороденка опять же дурацкая. Он билет слопал – вот и вся странность.

– Билет? – удивился Брагин.

– Ну да. Получил билет, пошарил по нему глазами – и сожрал.

– Зачем?

– Может, на счастье. Сами никогда не ели? – подмигнула Брагину кондукторша.

Еще как ел! Лет двадцать назад, когда был отчаянно влюблен в Элку Гусарову с филфака и только и мечтал о том, чтобы затащить ее в постель. Даже если до этого придется затащить ее в ЗАГС. На просто связь целомудренная Элка не соглашалась, хотя к Брагину относилась благосклонно. Не то чтобы голоштаный Брагин был завидным женихом, но он был шансом. Для Элки, приехавшей из Апатитов (Гепатитов, как она, страдальчески морщась, именовала свою малую родину); и для других – не таких красивых и совсем не таких целомудренных. Из Пскова, Новгорода, Опочки и даже из невесть как затесавшегося в эти бледные северные когорты казахского Темиртау.

Все они были пришлыми; все они были перышками, что скользят по ветру, по свинцовым питерским водам и забиваются в растрескавшиеся камни набережных. А Брагин, напротив, проходил по ведомству коренных петербуржцев. С квартирой в старом мрачном доме на Бармалеевой улице. И сама квартира была мрачной, и то, что окна выходили не в колодец двора, а непосредственно на Бармалееву, дела не меняло.

– Ого! – сказала Элка Гусарова, впервые оказавшись в гостях у Брагина. – А печка прямо настоящая? Функционирует?

Об этом спрашивал каждый, кто видел главную достопримечательность квартиры, – огромную, под потолок, голландку, выложенную сине-белыми изразцами. Чего только не было на этих изразцах: жанровые сценки с развеселыми пейзажами; суровое море с суровыми парусниками; пейзажи и натюрморты в обрамлении растительного орнамента. Брагин еще помнил те

времена, когда в печи гудел огонь; смутно, но помнил. А потом что-то сломалось в тонком и нежном печном организме. И ни один спец по голландкам (а их здесь перебивало множество) не смог это поправить. Разобрать – разберем, в один голос утверждали спецы, и змеевики прочистим, а вот собрать обратно, так, чтобы изразец к изразцу, это – увольте. Это – в Эрмитаж.

– ...Печку надо продувать, – вынужден был признать Брагин. – Тогда и заработает. Но ты ничего не ответила.

– Разве? – удивилась Элка Гусарова.

Пять минут назад, еще до того, как Элка приложила ладони к самому внушительному из парусников, Брагин сделал ей предложение.

– Ты согласна?

– А это сложно – продуть печь?

Элке Гусаровой нравилось дразнить Брагина.

– Ты согласна? – снова повторил Брагин.

– Может быть.

– Это не ответ.

– Хочу сидеть у печки и смотреть на огонь.

– У этой или вообще?

– У этой, – сдалась Элка, наконец-то сделав Брагина счастливым: постель с самой красивой девушкой филфака перестала быть отдаленной перспективой и перешла в разряд среднесрочных.

На следующий день они подали заявление, и Брагин ровно три недели из четырех, отпущенных на раздумья, не уставал благодарить своих верных

союзников – суровые трехмачтовые бриги и развеселых пейзажей. А потом недотрога Элка с ходу переспала с итальяшкой, которого приволок в университетскую общагу ее однокурсник Грунюшкин. Тут-то все и закончилось. Но Брагину об этом никто не сообщил. Да и некому было сообщать: Элка благополучно укатила с итальяшкой на историческую родину, в Гепатиты, знакомить будущего мужа с родственниками-пейзанами. Совсем не такими развеселыми, как голландцы с изразцов. Гиблое место – Апатиты.

Гиблое место – Элка.

Итальяшка побарахтается немного и сбежит. К своим Софи Лорен и Орнеллам Мути, в Тоскану, Милан и окрестности. А Брагину останется только ждать. Ну что ж, подождет.

Чтобы как-то скрасить ожидание, он начистил физиономию Грунюшкину. После чего оба отправились в ближайший пивбар – мириться и философствовать.

– Кто он? – спросил Брагин у Грунюшкина. – Откуда он вообще выперся, хрен с горы?

– Да никто. А выперся из Флоренции. Лекции читать по Кватроченто.

– По чему? – опешил Брагин.

– Тебе не понять. Проехали.

– Не понять. Это верно. Как невеста, без пяти минут жена, сваливает с другим без всяких объяснений. Любовь с первого взгляда, что ли?

Циничный гуманитарий Грунюшкин посмотрел на Брагина с сожалением:

– Дурак, что ли? Любовь здесь при чем?

– Что тогда?

– Италия. Ей Италия подмигивает, если будет правильно себя вести. Ничего личного.

Брагин снова почувствовал желание съездить Грунюшкину по морде. Такое непреодолимое, что пришлось срочно занимать руки ошметками вяленого леща.

- Вот что ты ей можешь предложить, брателло?

Сидеть у печки и смотреть на огонь.

- Мало ли что. У меня большие перспективы.

- Адвокатская контора? Или в органы подашься? Тоже мне, предел мечтаний.

- Хорошие адвокаты на вес золота.

- Ну, ты пока не хороший, и даже не адвокат.

Лещ не ко времени кончился, и Брагин немедленно вцепился в кружку с недопитым пивом.

- Но она же согласилась, Элка...

- На бесптичье и жопа соловей, - хохотнул Грунюшкин. - Вот она тебя и держала до последнего, мирилась с твоей образиной. А потом, бац, - и павлин нарисовался. Реальный, из Кватроченто. Тут уж не поправить. Забей на нее - и всё.

- Это как?

- Как и не было. Девочек-то полно.

- Италияшек тоже, - продолжал упорствовать Брагин. - Про пиндосов вообще молчу. И разных прочих шведов.

- А ты неприхотливую ищи. От сохи. Провинциалку без закидонов.

Элка Гусарова ровно такой и была – провинциалкой от сохи, и даже особых закидонов за ней на наблюдалось. Так что теория Грунюшкина трещала по швам, швы расходились и ширились, и Брагин тут же принялся заливать их пивом. Дальнейшее он помнил смутно. Помнил, что Грунюшкин приволок откуда-то двух шмар явно не студенческого вида, и все вместе они отправились на Бармалееву. После постыдной во всех отношениях ночи у Брагина жутко болела голова, к тому же шмары обнесли квартиру, утащив с собой еще прабабкины драгоценности: золотой крестик, брошку с рубинами, два серебряных полтинника и камеею времен императора Александра Третьего.

В милицию Брагин не пошел, ограничившись очередным избиением Грунюшкина, – после чего они подружились окончательно.

– Просто и легко, – сказал Грунюшкин, имея в виду злополучных шмар. – Не без эксцессов, конечно. Но в основном – просто и легко.

– На бесптичье – и жопа соловей, – резюмировал Брагин.

Элка, упорхнувшая-таки с флорентийским павлином в Италию, еще какое-то время саднила, давала знать о себе короткими и болезненными уколами в сердце. Но в общем и целом Брагин справился, сошелся накоротке с Псковом, а затем с Опочкой и уже на последнем курсе – с Темиртау. И они неплохо смотрелись вместе – примерно как американский пехотинец и маленькая сайгонская шлюха, продающая любовь за кокс и баксы. Впрочем, в Темиртау не было ничего от продажной любви, а вот от фарфоровой куклы – было. Но не той, какие обычно выставляют на аукционах или продают в дорогих арт-галереях. Темиртау производил впечатление куклы-неликвида: вроде все на месте, а чего-то не хватает. То ли сама заготовка оказалась некачественной, то ли расписывал кукольное личико стажер-неумеха.

Со временем имя Темиртау стерлось из прихотливой брагинской памяти, слишком уж оно было казахским – Анаргуль? Алтыnguль? Айтолды? Псков и Опочка на этом экзотическом фоне казались русопятыми простецами, но и они канули в Лету следом за куклой-неликвидом. Осталась лишь Эллка Гусарова, гладившая ладонями изразцовые паруса.

Еще тогда, в период перманентных булавочных уколов в сердце, Брагин решил для себя, что станет счастливым лишь тогда, когда новоиспеченная итальянка

Элка окажется несчастной – тотально и по всем фронтам. Итальяшка ее бросит. Сбросит – с павлиньих высот. И, оставшись без средств к существованию, она устроится жопомойкой в какой-нибудь дом престарелых – все там же, в Тоскане, Милане и окрестностях. И это – в лучшем случае. В худшем – ее ждет судьба маленькой сайгонской шлюхи, но без баксов. И без кокса.

Порноработа на износ. Унылая поденщина.

Однажды, за уже традиционным пивом, Брагин потерял бдительность и поделился с Грунюшкиным своим представлением о счастье.

– Да ладно. – Грунюшкин яростно заскреб плохо растущую щетину на подбородке.

– Прикинь.

– Да ладно. – Теперь пришел черед почесывания подмышек.

Яйцам приготовиться! – подумал про себя Брагин, а вслух произнес:

– Именно.

– Ну ты и мудака! – только и смог выговорить Грунюшкин. – Жалкий тип.

– Да пошел ты.

– Лечись, Плевако. Пока не поздно.

Грунюшкин обзывал Брагина этим знаменитым адвокатским именем лишь в крайних случаях: когда тот нес откровенную, не совместимую с жизнью дичь. За которую будет стыдно. Если не сейчас, сию минуту, то уж потом – обязательно. И чем несусветнее была дичь, тем больше открытых «о» добавлялось в финале.

На этот раз Грунюшкин превзошел сам себя – Плевако-о-оооооооо.

– Херню порю?

– Откровенную.

– Мудак?

– Полнейший.

Если посмотреть на ситуацию глазами нормального человека, выходило ровно так, как сказал Грунюшкин. Желать всяческих несчастий слабой женщине не имеет права ни один мужик. Тем более что Элка Гусарова ни в чем не провинилась перед Брагиным, она просто не любила его. И никогда не утверждала обратного, и в верности не клялась. Это Брагин из штанов выпрыгивал, чтобы заполучить ее, а когда дело не выгорело – взял и обиделся насмерть.

Непорядок. Надо исправлять.

А для начала – просто пожелать Элке счастья, не важно где, не важно с кем. Так будет правильно и по-мужски. После этого решения Брагина наконец отпустило, а вскоре (едва ли не в тот же вечер) прилетел первый билет. Трамвайный. В котором три первые цифры в сумме совпадали с тремя последними. Оставалось загадать желание и съесть билет, что Брагин и сделал. В салоне сорокового трамвая, на нем он иногда ездил встречаться с Грунюшкиным.

Будь счастлива, Элка!

В то, преддефолтное, лето счастливые билетки шли косяком: Брагин отработывал карму. И, судя по всему, успешно. Элка Гусарова ведь вышла замуж за своего итальяшку, осела во Флоренции и родила троих. Об этом стало известно не сразу, а спустя почти пару десятков лет, когда она нашла в соцсетях Грунюшкина. Грунюшкин к тому времени стал генеральным продюсером небольшой производящей компании, специализирующейся на мелодраматических сериалах для дневного показа. Когда-то он мечтал стать русским Керуаком и написать мощный поколенческий роман, а в идеале – несколько; но и одного хватит, чтобы прославиться.

Не срослось.

Впрочем, не срослось и у Брагина. От адвокатской карьеры он отказался (так сложились обстоятельства), зато застолбил себе местечко по другую сторону баррикад. Там, где преступников ищут, а не защищают. Он вырос в толкового и вдумчивого следователя, с которым комфортно работать окружающим. Если термин «комфортно» вообще хоть сколько-нибудь подходит аэродинамической трубе, что всасывает кровавые ошметки самых разных (в основном – трагических) человеческих судеб.

Аэродинамическая труба со сгустками крови на стенках. Примерно так представлял свою работу Брагин. Не всегда, но в отдельные дни и месяцы, когда его накрывало с головой расследование очередного – особо тяжкого – преступления.

Это тебе не сериалы клепать.

Что-то подобное он говорил Грунюшкину, при планируемых сильно заранее встречах в пафосных кабаках, – раз или два в год. Иногда – три, как карты лягут; главное в этих мероприятиях – основательно набраться, до соплей. И ни о чем не думать, как в юности. Нет, они с Грунюшкиным не алкаши ни разу, и случаются совсем другие пересечения в пространстве, спонтанные: на кофе, на ход ноги, на кружку пива – и все, аллес, разбежались по делам. Если же встретиться долго не удавалось, Брагин начинал скучать по Грунюшкину. А все потому, что из университетского приятеля тот превратился в единственного близкого друга. Вернее, хоть какого-то друга, потому что других друзей у Брагина нет.

Только Катя. Жена.

Владелица всех суровых парусников, вдохновительница всех развеселых пейзажей. За десять лет они привязались к Кате, и Брагин привязан к ней крепко-накрепко, и ничего с этим не поделаешь. И делать ничего не нужно, даже когда очень хочется. Даже когда песок скрипит на зубах и остается только надеяться, что рано или поздно прольется живительный дождь. И дождь таки проливается, смывая песчинки и наполняя сердце нежностью. Такова семейная жизнь Брагина, состоящая из блужданий по бесконечной пустыне – от оазиса к оазису, от дождя к дождю. Так было не всегда, но так теперь будет всегда. Если, конечно, не случится чуда.

Почему я?

Почему ты выбрал меня?

Были же и другие женщины?

Вопросы, которые Катя больше не задает, а раньше задавала. Они прекратились в тот момент, когда Брагин впервые изменил своему правилу «рыба в пироге», что означает полное и безоговорочное молчание. И зачем-то рассказал Кате об Элке Гусаровой. Легкую и безобидную историю без последствий, какой она, в сущности, и была.

- И что случилось с Элкой потом? - спросила Катя.

- Жизнь случилась, - отшутился Брагин. - Она давно не в России. Живет во Флоренции, замужем за итальянцем, трое детей. Отчаянная домохозяйка.

Информацию об Элке слил Брагину Грунюшкин, и все в ней было правдой, за исключением статуса домохозяйки, потому что как раз об этом несостоявшаяся невеста Брагина в Сети не распространялась. О муже-профессоре - да, и о детях, и о вояжах на экзотические острова. И ни слова о профессии, ни намек. Катя, например, работает кредитным экспертом в банке (собственно, в том самом банке они с Брагиным и познакомились). Очень хороший специалист, перспективный, - так до сих пор считают все, Брагин не исключение. Начни она строить свою карьеру - он был бы только рад. Но Кате давно плевать на карьеру, наверное, поэтому Брагин и ввинтил про отчаянных домохозяек. А может, не поэтому, черт его знает.

- Вспоминаешь о ней?

- Сто лет не вспоминал. И сейчас бы не вспомнил.

- Но знаешь, как она живет. И что с ней произошло.

- Да это Лёха Грунюшкин мне рассказал.

- Зачем?

- Э-э... Просто так.

– Я знаю Грунюшкина. Он ничего просто так не делает. Не тот замес.

Несуразный человек – Брагин. Во всем, что не касается аэродинамической трубы. Стоит ему только вступить в диалог, даже с самыми близкими, – каждый последующий ответ оказывается хуже предыдущего, и все запутывается окончательно. Вот и теперь: зачем-то подставил Грунюшкина, к которому Катя всегда испытывала симпатию. А теперь выходит, что подколотый змей Грунюшкин искушал Брагина ненужными воспоминаниями о прошлом. Или – для чего-то нужными?

– Послушай, детка. Ты же сама завела этот разговор.

– Я виновата?

– Нисколько не виновата.

– Я виновата. Во всем.

– Все хорошо, – пытался отделаться своими обычными мантрами Брагин. – Я люблю тебя, и все хорошо.

Все совсем не так хорошо, вовсе нехорошо. Давно нехорошо. Но сейчас об этом лучше не думать, а сосредоточиться на произошедшем в автобусе № 191. И на парне с дурацкой бороденкой, билетном гурмане.

– Сможете описать его подробно?

– Фоторобот составить? – деловито переспросила Маврокордато.

– Что-то вроде того.

– Можно попробовать. Сейчас?

– Чуть позже. И не здесь. В управлении. Адрес я вам сообщу.

Бородой сегодня никого не удивишь. Их старательно выращивают все кому не лень, чтобы довести до ума в ближайшем барбершопе. Барбершопе, мать его! Даже Грунюшкин сподобился, пал жертвой агрессивного тренда последних двух лет. Все еще надеется поспеть за молодыми никчемными хипстерами, хотя целевая аудитория его сериалов – провинциальные клуши 45+. Собственно, от Грунюшкина Брагин и услышал впервые это слово: «хипстер». Или – хипстота. Если верить кондукторше, именно такая хипстота некоторое время сидела рядом с жертвой. Разговелась счастливым билетиком и тут же порешила бедняжку с Нерчинской.

Не вяжется.

Тарантиновщина какая-то. Трэш и угар. Но нужно отрабатывать и трэш.

– ...Где вышел – не помню. Да и не больно следила, если честно. Знать бы, где упадешь, – соломки бы подстелила. – Маврокордато вздохнула.

– А девушка... Может, она проявляла признаки беспокойства? Может, звонила кому-нибудь по телефону?

– Не было такого. А если и было – я не видела.

– Ну что ж, Анна Николаевна. Вы очень нам помогли.

Стандартная, приличествующая случаю фраза. Но Брагин постарался вложить в нее максимум тепла и благодарности: контролер-кондуктор Маврокордато и впрямь старалась как могла. Другое дело, что выудить из недр салона автобуса № 191 удалось немного. Остается надежда на тщательный осмотр тела. Здесь обязательно возникнут подвижки, иначе и быть не может.

Экспертиза

Подвижек не случилось, тут Брагин ошибся. Впервые за его многолетнюю практику железное правило не сработало. Спустя два дня после обнаружения трупа он знал о мертвой девушке не больше, чем в первые минуты их

печального знакомства. Ни имени, ни фамилии, ни места жительства. Никто не разыскивал ее, никто не подавал заявлений в полицию. Безусловно, заявления были, но совсем на других людей. Девушек тоже искали, и Брагин с Пашей Однолетом тщательно отслеживали каждый такой случай.

Ничего общего с... Сандрой.

Имя для неизвестной из 191-го автобуса придумал Паша Однолет. Ему, видите ли, взбрело в голову, что девушка чем-то похожа на американскую актрису Сандру Баллок. Но не в фильме «Гравитация», где Баллок почти вплотную приблизилась к полтиннику, – что-то более раннее, романтическое. Возможно, снятое еще до рождения Паши, которому в прошлом месяце исполнилось двадцать три.

Мертвая Сандра была еще моложе.

– Не особо ошибусь, если скажу что жертве лет двадцать, – заявил судмедэксперт Пасхавер, ангел вскрытия, с которым Брагин отработал уже не одно дело.

Пасхавер рассеянно забарабанил пальцами по краю прозекторского стола, на котором лежал труп девушки. И Брагину впору было сделать то же самое: он всё не мог отделаться от мысли, что уже видел ее когда-то.

Точно не в кино.

– Максимум – двадцать один.

– А что-нибудь более существенное? У нас никаких зацепок. Вся надежда на тебя, Гарик, – воззвал к Пасхаверу следователь.

Это была чистая правда. Вместе с таинственным красным рюкзаком исчезло все то, что могло бы хоть как-то помочь в идентификации личности убитой: документы, телефон, ноутбук или планшет, кошелек, банковские карты, скидочные карты, записные книжки... Хотя никто сейчас не пользуется записными книжками, за исключением самого Игоря Самуиловича Пасхавера. Они у судмедэксперта особые: плотная нелинованная бумага, обложка из

толстой кожи, неровно обрезанной по краям. В обложку вмонтированы специальное гнездо для карандаша и перехватывающая резинка с обязательной бусиной. Или двумя. «Звезда и смерть Индианы Джонса», – так называет свои блокноты Пасхавер, причем каждой из звезд и смертей присваивается свой порядковый номер. Меняющийся по мере заполнения страниц. Сейчас Игорь Самуилович пользуется «Звезду и смерть Индианы Джонса – 21», Брагин опосредованно знаком с предыдущими двадцатью: заметки по поводу дел и тел (как правило – обстоятельные и не лишённые философичности); зарисовки трупов, особо впечатливших Пасхавера (надо же использовать карандаш по назначению) и короткое резюме под зарисовками.

И анекдоты.

Игорь Самуилович обожает анекдоты, но никогда толком не запоминает их. А при случае, в подходящей компании, вернуть что-нибудь особенно разухабистое, соленое и перченое, бывает невтерпеж. Вот и приходится конспектировать все, достойное внимания. Ближний круг знает эту слабость Пасхавера и относится к ней с пониманием. И частенько (только для того, чтобы сделать судмедэксперту приятно) просит: Гарик, жги! Тогда-то Пасхавер и достает свой заветный блокнот. И ровным скучным голосом начинает зачитывать то самое – соленое и перченое, и по большей части – ненормативное. Комический эффект от такого чтения трудно переоценить. Но в общем и целом Игорь Самуилович похож на свой голос – он скучный и бесцветный человек. Что не отменяет профессиональных качеств, а Пасхавер – высочайшей пробы профессионал.

– Анекдот про мужика в хозяйственном магазине знаешь? – подмигнул судмедэксперт Брагину.

– Я тебя умоляю, Гарик! Давай по существу.

– Ну, хорошо.

Жестом фокусника Пасхавер откинул простынь, и Брагин впервые смог рассмотреть девушку так близко, детально: не защищенную одеждой, не отгородившуюся от мира капюшоном куртки. Первое, что приходит в голову, если выкатить за скобки прозекторский стол, – она красавица.

У Паши Однолота беда с воображением, раз всё, что он смог выудить из себя, свелось к американской актрисе не первой свежести. Они и непохожи вовсе. Зато имя в самый раз, – неожиданно подумал про себя Брагин. Сидит как влитое. Ни за что его не оттянуть от этих коротких темных волос, торчащих в разные стороны. Вроде бы беспорядок, но хорошо продуманный беспорядок. Пару лет назад Катя носила подобную стрижку, и у нее уходила уйма времени, чтобы ее уложить, разобраться со всей этой рваной неевклидовой геометрией. Стрижка делала ее моложе, делала девчонкой, угловатой и застенчивой. А погибшая Сандра – какой она была?

Теперь не узнаешь.

Остается просто смотреть на высокие скулы, прямой нос и четко очерченные губы. Они чуть темнее, чем обычно положено губам, и изогнуты чуть более прихотливо. Опускаться ниже, к подбородку, Брагину совсем не хочется: все из-за успевшей засохнуть струйки крови. Это и есть черта, подведенная под случившимся. Интересно, г-ммм... Сандра успела понять, что именно произошло? Будем надеяться, что нет. Хотя это уже не имеет никакого значения.

– Нож я вынул, – пробубнил Пасхавер. – И могу сказать тебе, что работал профессионал. Чтобы так хладнокровно расправиться с жертвой в людном месте... И, самое главное, точно попасть в цель... Нужно быть именно профессионалом.

– То есть он знал, куда бить?

– И знал, что произойдет с девицей дальше. Почти мгновенный паралич дыхания и остановка сердца. Она не смогла бы позвать на помощь, даже если бы хотела.

Руки Игоря Самуиловича распростерлись над впалым животом девушки, почти касаясь его. В верхней части живота зияла рана довольно внушительных размеров. Идеальная окружность со скошенными краями, как если бы из картофелины вырезали глазок. Не самое выдающееся сравнение, учитывая корку запекшейся вокруг раны крови.

– Прямым в солнечное сплетение, – продолжил судмедэксперт. – Сантиметр вправо или влево, вверх или вниз...

- И тогда ее можно было бы спасти?

- Это вряд ли. Но минуту или две она бы выиграла. Прежде чем умереть от обширного кровотечения. Задеты брюшная аорта и блуждающий нерв. Нет, никаких шансов, никаких.

- Крови не очень-то много, учитывая проникающее ранение.

Крови и впрямь было немного. Она не успела даже толком пропитать куртку, лишь на свитере расплылось пятно, почти сливающееся с темно-бордовым цветом ниток. И прямо в середине этого пятна торчала рукоять. Брагин хорошо запомнил ее, еще когда впервые осматривал тело Сандры в салоне автобуса. Рукоять была на несколько тонов темнее - и свитера, и крови.

- Убийца не просто воткнул нож, он успел повернуть его вокруг оси. Нож и послужил своеобразной заглушкой на первое время. Как пробка в ванной, ферштейн? Нож, кстати, - самая обычная выкидушка на кнопке. Вряд ли вы найдете что-нибудь подобное в специализированных магазинах, но на Удельной их полно.

- Ты блошинный рынок имеешь в виду?

- И окрестности тоже. Есть там несколько милитари-лавок с соответствующим товаром. Черные копатели держат, они же все эти приبلуды клепают в промышленных масштабах.

- Отпечатки?

- На рукояти - никаких. Да и глупо было бы ожидать, что, исполнив номер повышенной сложности, профи на банановой кожуре поскользнется. Поехали дальше. Татуировка.

Брагин давно уже заметил татуировку на правом предплечье девушки и все не мог вспомнить, как называются эти рыбки. Что-то, связанное с Японией, с ее садами камней и лакированными деревянными коробочками для печенья. С безмятежной гладью прудов, в которых не сыщется ни одной случайной водоросли, раковины или песчинки. А каждая отдельно взятая деталь призвана

подчеркнуть гармонию мира.

Рыбки на предплечье тоже смотрелись гармонично, почти живыми; Брагин мог бы поклясться, что их плавники подрагивают. Все дело в умелой, почти акварельной растушевке, глубине и богатстве цветов, прихотливости линий. Тонкая работа.

Игорь Самуилович Пасхавер был такого же мнения:

– Это тебе не «Кольщик, накопи мне купола», друг мой. Это – произведение искусства. Эх-хх... В кои-то веки татуха понравилась... Да и та на трупе.

– Кои. Точно. – Вот Брагин и вспомнил. – Это японские карпы. Кои.

– В обычном тату-салоне таких не набьют – хоть карпов, хоть птеродактилей. Я качество имею в виду. Это определенно авторская работа. Имеет смысл заняться поиском мастера.

– Само собой. Главное, чтобы мастер в Питере обретался, а не где-нибудь на острове Хоккайдо.

– Будем надеяться. Потому что как раз именно он мне и нужен... – Пасхавер полоснул ребром ладони по шее. – Позарез.

– Зачем? – удивился Брагин. – Или?..

– Не себе, – тут же открестился судмедэксперт. – Валюха спит и видит себя с наколкой. Мне это все не улыбается, но кто в семнадцать лет станет слушать замшелого дурака-папашу? Так что лучше я сам ее за руку отведу к хорошему спецу. Как говорится, не можешь победить врага – возглавь его.

Брагин познакомился с Валею, дочерью Пасхавера, много лет назад, еще до своей женитьбы на Кате. Маленькая девочка, очень маленькая и очень смешливая, любительница мармеладных червячков и книжек с картинками – там, где рассказывается про братца Кролика и братца Лиса. Все эти годы она так и оставалась для Брагина крохой, стоящей у книжного тернового куста, и вот, пожалуйста, – уже семнадцать!

– Зарисовал рыбок, а?

– Не удержался. – Пасхавер покаянно нагнул голову. – А как иначе? Не стану же я родной дочери фотографии с работы подсовывать... В общем, найдете мастера – сообщите. Теперь еще по телу. По наркотикам – чисто, но в крови имеются следы транквилизаторов. Линейку набросаю тебе в официальном заключении. С внутренними органами тоже все в порядке, хотя есть следы хирургического вмешательства.

– Интересно.

– Ничего интересного. Банальный аппендицит. Интересно другое.

Пасхавер приподнял правую руку Сандры, жестом приглашая Брагина приблизиться к ней. От запястья едва слышно пахло какими-то духами, и это был сложный запах. Дорогой и влекущий, смесь экзотических специй, амбры и мускуса. И чего-то сладкого – ваниль? инжир?.. Брагин не был силен в парфюмерных брендах и из всего представленного на рынке бешеного разнообразия мог идентифицировать только один аромат: неунывающе-летнего цветочного «Барберри». Он очень нравился Кате, а Катя в своих вкусах и пристрастиях была постоянна.

– Духи ничего себе, – сказал Брагин. – Впечатляют. Дорогие, наверное.

– Наверное, – согласился Пасхавер. – Если сложить наши с тобой зарплаты – хватит на флакон или нет?

– Может, и наскребем.

– Да ты оптимист, друг мой. Но бог с ними, с духами, не о них речь.

– Нет?

– Вот, смотри. – Пасхавер взъерошил волосы девушки, открывая лиловое пятно. – Свежайший удар в височную область. Очень и очень неслабый. А это – гарантированное сотрясение мозга. Удивительно, что она вообще смогла сесть в автобус. Дальше. Две полосы в районе лучезапястного сустава. Не слишком

проявленные, но разглядеть можно.

Теперь и Брагин увидел тонкие, почти неразличимые следы на коже. Они окольцовывали запястье и были похожи на пару затянувшихся шрамов. О которых и вспоминать-то смешно. Так – тире-точка-тире.

– Как думаешь, что это такое?

– А твои предположения? – вопросом на вопрос ответил Брагин.

– Первое, что приходит в голову, – следы от наручников. Контактирующие грани – здесь и здесь. – Пасхавер ткнул карандашом в полоски на запястье Сандры.

– А второе?

– Следы от наручников. Других вариантов у меня для тебя нет. Можешь сам придумать что-нибудь еще. На досуге.

– Не буду придумывать. Доверюсь профессионалу.

Наручники. Совсем не смешно.

– По характеру полос – след динамичный, следовательно, от наручников пытались избавиться и резко дергали. Второе запястье не повреждено от слова совсем, из чего я делаю вывод, что девушка могла быть прикована к чему-нибудь. Труба, батарея, да что угодно...

– Как долго?

– Какое-то время. Не факт, что долгое. Возможен вариант импрегнации металла в кожу.

– Э?

– Пропитка в просторечии. – Пасхавер снисходительно улыбнулся профану Брагину. – Отнесем это к особенностям пигментации кожных покровов

потерпевшей. В любом случае между ее освобождением от наручников и смертью прошло не так много времени.

- Значит, прежде чем сесть в автобус, она вырвалась из плена.

- Именно так. Я тут за вас немного поработал... Как будто у меня своей работы нет... Помнишь ведь, в чем она была одета, так?

Брагин помнил. Ничем не примечательная темно-синяя куртка, пристегнутый к ней капюшон с опушкой из искусственного меха; бордовый свитер без опознавательных знаков, джинсы и кроссовки – слишком легкие для декабря.

- Бедненько, но чистенько, – резюмировал Пасхавер.

- Угу.

- Так вот, я тут кое с кем проконсультировался относительно белья жертвы... Уж очень оно любопытное... Не просто трусы с лифчиком.

- Нет?

- Комплект дизайнерский. От Карин Жильсон. Средняя цена – две с половиной тысячи долларов.

- Угу, – снова повторил Брагин. – А консультировался с Илоной?

Илона, тишайшая жена Пасхавера, работала в универмаге «Стокманн» на Восстания и как раз в отделе женского нижнего белья. Так что лучшего консультанта невозможно было и придумать.

- Отправил пару фоток по вотсаппу. И получил соответствующий комментарий. Не вяжется это белье с дешевой курткой и кроссовками. Никак.

- Белье могли и подделать. Китайцы те же. Подделали и выбросили на рынок – по три копейки за оптовую партию.

Пасхавер даже обиделся на столь нелепое предположение следователя:

- Я дурак, по-твоему?

- Нет.

- Может, Илона тебя не устраивает? Как эксперт по женскому белью?

- Всецело ей доверяю.

- Тогда прими как данность: белье дорогое. И тот, кто его носит, не станет напяливать на себя куртку с вещевого рынка. Или станет, но обстоятельства должны быть экстремальными. Кстати, носки девице тоже не по размеру.

- Это как? - удивился Брагин.

- Стандартные мужские, на размер 43-45. А у нее примерно 38, так что пятка оказалась на уровне щиколоток.

- Только не говори, что они из шерсти единорога и стоят, как чугунный мост.

- Носки как раз обычные. Средней ценовой категории...

Брагин на секунду забыл о носках, уставившись на шею девушки. Поначалу он думал, что ему просто показалось и это едва заметное пятно на шее - всего лишь игра теней. Но тени в стерильно-слепящих чертогах Пасхавера еще поди поищи! Следовательно - пятно существует, пусть и не очень хорошо проявленное.

- Что это? - спросил Брагин у Пасхавера, ткнув пальцем в пятно.

- Заметил, да? - хмыкнул судмедэксперт. - А я вот не сразу. Мартышка к старости слаба глазами стала, ага.

- Есть объяснения, старая ты мартышка?

- Не беги впереди поезда - получишь объяснение.

- На сладкое оставил? - Брагин за долгие годы совместной работы изучил все пасхаверовские штучки. - Колись.

- Судя по всему, она - профессиональная скрипачка. Ну, или довольно долго обучалась этому ремеслу. А вот Валюха не захотела... А какие данные были!.. Но нет, спустила нашу с матерью мечту об Альберт-холле в унитаз.

- Значит, скрипачка.

- Скорее всего. Как вариант - альтистка. Есть еще характерные следы на подушечках пальцев, правда, не ярко выраженные.

- И что это означает? Бросила играть?

- Откуда же мне знать? Все очень индивидуально, и кожа на внешнее давление реагирует по-разному... Ну что, подбросил я вам с Пашей работенки, а?

Работенки и без выводов Игоря Самуиловича было навалом. Следствие только начиналось, но никакого оптимизма по его поводу Брагин не испытывал. Что-то подсказывало ему, что дело будет долгим и муторным. И что убитая девушка вовсе не так проста, как ее куртка и кроссовки. Скрипичный след, белье за бешеные тысячи, духи на запястье, где совсем недавно болтались наручники, - это, конечно, аргумент. И не самый последний, особенно - наручники. Но и место преступления выглядит странным. Как минимум - странным. Автобусный салон и бесконечный круговорот людей в этом аквариуме на колесах... Для такой интимной вещи, как убийство, ничего хуже и придумать невозможно. Неудобнее и глупее. Если народу много - велика вероятность, что все твои манипуляции с ножом не ускользнут от чьего-то внимательного взгляда. Если народ схлынул и появилось свободное пространство, - тоже не гут. Манипуляции будут видны по определению, так что даже внимательный взгляд не понадобится.

Все то же самое можно было проделать в другом месте. В другое время. Подошли бы ночная подворотня и утренний парк - еще без спортсменов, но уже с собачниками; квартира, лифт, черная лестница, даже кинотеатр. Вопрос лишь в том, посещала ли жертва кинотеатры и какой покупала попкорн, сладкий или

солёный? Посещала ли она утренние парки? И почему ее убийство стало делом, не терпящим отлагательств? Таким срочным и архиважным, что убийце пришлось идти на риск, возможно – импровизировать на ходу. Все силы были брошены на то, чтобы девушка не смогла выйти из автобуса живой.

Почему?

Допустим, она опасалась за свою жизнь и старалась не покидать людные места. Связано ли это со следами от наручников? Если кто-то удерживал ее насильно, и ей удалось вырваться, почему она не заявила в полицию? Почему поехала через весь город на автобусе, когда в любой момент можно было вызвать такси? Она не выглядела взволнованной или встревоженной, так утверждает контролер-кондуктор Маврокордато. Но это – всего лишь ее представления о девушке. У водителя Тариэла Кобахидзе – совсем другие представления. Хотя э-м-мм... Сандру он видел лишь мельком – когда та входила в переднюю дверь. После того как Маврокордато была обстоятельно допрошена, настал черед Кобахидзе. Он мало что мог добавить – в силу неважного владения ситуацией и русским языком.

– Не помните, как она вошла? – спросил у водителя Брагин.

– Помню, как она упала, дорогой мой. Прямо перед дверями. До этого видел ее на остановке. Перед остановкой – светофор. Был красный. Автобус стоял, и она стояла.

– На остановке?

– Да.

– Она была одна?

– Почему одна? Другие тоже стояли.

– Я имею в виду, была она одна или со спутниками?

– А-а-а. Так и говорите. Совсем без спутников она была. Говорила по телефону. Пока горел красный. На зеленый я поехал.

Брагин на секунду представил себя на месте Тариэла Кобахидзе, в теплой, отгороженной от всего мира кабине, возвышающейся над землей метра на два. Отличный обзор, масса информации – она вливается со всех сторон через лобовое стекло. В основном – необязательная и совершенно ненужная, если это не касается знаков, дорожной разметки и участников движения. Теперь – остановки, они не заканчиваются на протяжении всего рабочего дня. Люди, на них стоящие, не заканчиваются тоже; сотни людей, тысячи. Мог бы Брагин запомнить хоть кого-нибудь из них? Вряд ли, если бы не случилось чего-нибудь выдающегося. Но разговор по телефону – вполне рядовое событие. Инцидент у дверей имеет чуть больше шансов задержаться в памяти, вот только случился он позже телефонной беседы. Что-то привлекло Тариэла Кобахидзе до этого.

– Почему вы запомнили девушку?

– Э?

Похоже, до Тариэла не сразу дошла суть вопроса. А когда дошла – он и сам удивился. Не вопросу – себе самому, витязю в тигровой шкуре, вынужденному крутить баранку в стильном северном мегаполисе. И цепляться глазами за любой предмет, способный вырвать его из ледникового периода.

– Патара ангелозо, – произнес он наконец.

– Простите...

– Маленький ангел. Я так подумал.

– О девушке?

– Да. Подумал недолго. Пока горел красный.

Безыскусные и какие-то куцые, рубленые предложения вдруг стали раздражать Брагина. Тем более что все последующее он мог пересказать и сам: оранжевая шапка, зенитовский шарф, Сандра падает, поднимается, покупает билет, красный рюкзак.

– Подумал еще о Соне.

Новое откровение.

- А кто такая Соня? - осторожно спросил Брагин.

- Правильно - Соиа.

- Это ваша девушка? Жена?

- Кошка.

Лицо Тариэла Кобахидзе сморщилось, как если бы он испытал приступ острой боли. Пришлось даже закусить губу, чтобы ничем ее не выдать.

- Кошка-то здесь при чем?

- Все время с ней разговаривал. Пока разговаривал - она... Не знаю, как сказать, дорогой мой. Она была живая. Но и на работу надо. Когда уходил - знал, что умрет.

Тариэл махнул рукой, давая понять, что разговор окончен. Двумя минутами позже Брагин узнал недостающие подробности от посвященной в кошачью трагедию Маврокордато.

- Котенком ее подобрал, - закатив глаза, шепотом сообщила кондукторша. - Сону эту. Носился, как с писаной торбой. Ну, его тоже понять можно. Семья в Грузии осталась, а он один здесь жилы тянет. Деньги ведь с неба не падают. Но и отдыхать когда-то надо. Другие любовниц себе заводят, от холода и от скуки, а Тариэл - нет. Честный мужик, хороший. Эта кошка у него вместо семьи была. А потом то ли из окна выпала, то ли собаки подрали... То ли все вместе. В общем, помучилась неделю и померла.

Чуткая к чужому горю Маврокордато даже хотела подарить Тариэлу котенка. Но водитель отказался, так потрясла его смерть несчастной Соии.

- Вы уж не тревожьте его, гражданин следовательно.

- Постараюсь.

Тревожить Тариэла Кобахидзе действительно не имело смысла: он уже рассказал, что знал, и вряд ли расскажет больше. А историю с кошкой Брагин тотчас же постарался забыть, как старался забыть все остальные, не относящиеся к делу истории. Их за свою – почти двадцатилетнюю – практику следователь выслушал немало: побочный эффект «МБ», метода Брагина, подразумевающий неформальное общение со свидетелями. Погружаясь в это общение, Брагин выступал в самых разных ипостасях – в зависимости от обстоятельств и правды момента. Психотерапевт, репортер, помощник народного депутата, телепроповедник, сосед по купе в поездах дальнего следования. Судмедэксперт Игорь Самуилович Пасхавер, не раз наблюдавший брагинскую цыганочку с выходом под протокол, шутил:

– Так ты скоро исповедовать начнешь. И причащать.

– И буддизм приму, если понадобится. – Брагин всегда готов был поддержать шутку.

– А обрезание – слабо?..

Как бы то ни было, необязательная кошка улетела в архив, а вот телефонный разговор остался. Убитая с кем-то разговаривала на остановке, хотя телефон так и не был найден. Совершенно очевидно, что он разделил участь красного рюкзака, куда девушка впихнула всю свою жизнь. Или почти всю: в карманах ее одежды был найден лишь один заслуживающий внимания предмет – связка ключей с зеленой магнитной «таблеткой», которая обычно отпирает подъездную дверь.

То, что можно сбросить со счетов:

наполовину выпотрошенная упаковка жевательной резинки;

отдельно взятая жвачка, уже основательно разжеванная и завернутая в кусок бумаги с каким-то текстом (судя по шрифту и тексту, обрывок при жизни был книжной страницей);

флайер из «Кофе-Хауса»;

рекламная листовка Филармонии с перечнем выступлений на декабрь;

купон олдскульного барбершопа «Серпико» («предъявителю купона 10 % скидка на первое посещение»);

одна кожаная перчатка с обрезанными пальцами. Вторая так и не нашлась.

«Сбросить со счетов» – так рассудил опер-несмышлениш Паша Однолет, выразившийся даже беспощаднее: уронить в пропасть. Пусть летят самолетиками все эти флайеры, отягощенные жвачкой тексты и рекламный хламидиоз. А он, Паша, сосредоточится на ключах. И лишь когда будет отработана эта – во всех отношениях выдающаяся – вещь, можно будет перейти к чему-то менее существенному:

перчатке,

филармоническому репертуарному плану на декабрь.

– А чем тебе жвачка не нравится?

– Которая в пачке? – уточнил Однолет у следователя.

– Использованная.

– Из гигиенических соображений не нравится. Абсолютно бесполезный предмет.

– Не скажи.

– Ну, биологического материала у нас и так навалом. – Паша даже понизил голос, пытаюсь осознать собственную профессиональную значимость. Вот он я, заправский криминалист, – было написано у него на лице.

– Странно, что жвачка оказалась завернутой в книжную страницу.

– Ну, не совсем страницу. Всего-то клочок.

- Вот ты, - Брагин, прищурившись, взглянул на Пашу, - часто с собой книжные клочки носишь?

- Нет. Но мало ли откуда он взялся. Может, вообще его кто-то за обшивку сиденья засунул, а... девушка воспользовалась.

- Проще было в купленный билет завернуть, нет?

- Билет сохраняется до конца поездки, - наставительно произнес Паша.

Точно. А Брагин и забыл.

- Во флайер?

- Бумага не совсем подходит. Жесткая, глянцевая.

- Может, ты и прав. А олдскульный барбершоп? - с трудом пряча улыбку, поинтересовался Брагин. - Тоже в пропасть метнем?

Паша на секунду задумался, наморщил обычно безмятежный лоб и пожевал губами - щедро размазанными по нижней части лица, мягкими и какими-то совсем уж детскими. Серьезно относиться к оперу с такими губами нельзя, - решил однажды Паша. И попытался замаскировать природный, как ему казалось, изъян. Отсюда - идиотские усы и не менее идиотская борода, растущая клочками. Вообще Паша Однолет напоминал Брагину не существующий в природе гибрид дельфина, обезьяны и щенка крупной породы - то ли кавказца, то ли алабая. В нем удивительным образом сочетались гибкость и неуклюжесть, заносчивость и застенчивость, а также уникальная способность выкопать на какой-нибудь интеллектуальной помойке сомнительный авторитет и слепо им восхищаться.

Календарную декаду, плюс-минус пара недель.

А вот Славой Жижек[1 - Славой Жижек - словенский культуролог и философ.]как-то сказал...

А вот Фрэнсис Фукуяма[2 - Фрэнсис Фукуяма – американский философ и политолог.]заметил однажды...

А вот Фредерик Бегбедер[3 - Фредерик Бегбедер – французский писатель, автор романа «99 франков».]написал в своем Фейсбуке...

Дольше всего в гуру у Паши продержался Гомер Симпсон, мультперсонаж.

- ...Давайте рассуждать, Сергей Валентинович. Девушке не нужен никакой барбершоп, потому что она – девушка. Ей просто сунули рекламный листок... Мне самому суют постоянно, особенно – у метро, еле успеваю отбиваться.

- Значит, ей просто сунули, а она просто взяла. И даже не озаботилась тем, чтобы выбросить его. Зачем-то сохранила.

- Сунула в карман и забыла. Такое часто бывает.

- В карман, на ходу, так? – уточнил Брагин.

- Ну да. – Паша все еще не чувствовал подвоха.

- Ты помнишь, где лежал этот листок? Во внутреннем кармане куртки. То есть куртку нужно было расстегнуть, чтобы спрятать бумажку. А перед этим аккуратно сложить ее вдвое. Случайностью это не назовешь.

- Допустим...

- Нечего допускать. Так все и было, если исходить из логики.

- Допустим. – Паша принялся пощипывать куцую бороденку – жест, который почему-то раздражал Брагина. – Допустим, вы правы, и она взяла его. Не для себя, а для... Вдруг она с каким-нибудь парнем... жила.

Однолет неожиданно нахмурился и покраснел, не в состоянии развить свою мысль. Странная реакция, какое дело половозрелому здоровому парню до гипотетической чужой постели? Но Однолет выглядел так, как будто его оскорбляла сама мысль о ней. «Тоже мне, институтка, облако в

штанах», – подумал Брагин и снова почувствовал приступ раздражения. Дело не в Паше. Вернее, в Паше, который пытается рассуждать о неприятном и малопонятном деле. А рассуждать по этому поводу должен совсем другой человек – капитан Вяткин, непосредственный начальник Однолота. Забубенный опер, с которым следователь Сергей Валентинович Брагин раскрыл не одно преступление и который понимал его с полуслова. В такой связке и Паше нашлось бы достойное место – второго альта или третьей скрипки. Но Вяткин укатил в отпуск в Геленджик – первый за несколько лет плановый отпуск. Вот им с Однолотом и приходится отдуваться: одним за целый оркестр, включая литавры, цимбалы и треугольник. Правда, начальство обещало подкинуть людей, но ждать придется еще какое-то время.

Дело-то – нерезонансное.

Во всяком случае, пока. Крошечная змеиная головка убийства едва возвышалась над озерной гладью, а что уж там скрывает гладь – огромную лох-несскую тушу преступления века или слабосильный хвост бытовухи, – одному богу известно. Будем посмотреть, – как обычно выражается старый оперативный фокстерьер Вяткин.

– Для парня... В общем, – совсем сник Паша.

– Взяла листовку для своего парня?

– Типа.

– И что это нам дает?

Паша засопел, а румянец, до того занимавший все свободное пространство на его лице, схлопнулся до двух точек. Уже не просто красного, а какого-то свекольного цвета.

– Что за парень – мы не знаем, – продолжил Брагин. – Был он или нет – неизвестно. В любом случае листовку он не получил, в связи с известными обстоятельствами. Следовательно, и в этой парикмахерской богадельне не был. Выходит, бесполезная бумажка?

- Ну... Я с самого начала говорил...

- А я тебе скажу, что иногда полезно компоновать вещдоки. На листовке указан адрес заведения. Улица Коллонатай, пять. Все верно?

- Да.

- Как раз в этом месте улица Коллонатай пересекает Нерчинскую. Ту самую, где жертва села в автобус. А теперь ответь, имеет ли смысл оставлять у себя рекламу неизвестного тебе салона, если ты живешь не в этом районе?

- Намеряете, что тот, кто обитает на Петроградке, не поперется в другой конец города, чтобы постричься? - осенило наконец Пашу Однолота.

- Не намекаю, а говорю открытым текстом. На Петроградке своего добра навалом, включая чертовы салоны. И классом повыше, заметь.

Логика Брагина была безупречна, но именно эта безупречность вызвала в Паше желание сопротивляться. Откусить побольше от непререкаемого авторитета следователя, и чтобы укус вышел по-москитному болезненным. Опер снова сморщил свой крутой дельфиний лоб и выпалил:

- Да может быть все что угодно! Может, эту бумажку девушке не на улице сунули, а на какой-нибудь вечеринке. Типа - приходи к нам, только открылись, раскручиваемся. Может, они знакомы лично и вообще друзья - девушка и те, кто в этом «Серпико» работает.

- Друзья или знакомые обычно оставляют визитки, нет? Или договариваются по телефону. Рекламный спам - не тот вариант. А вот личное знакомство - тот самый. Лучший из всех возможных. Только что-то мне подсказывает, что такое счастье нам не обломится.

Отпахав на неблагодарной криминальной ниве не один год, Брагин знал, о чем говорит.

- А можем мы в качестве варианта рассмотреть, что... гипотетический парень сам стрижет бороды в «Серпико»? - выпалил Однолет и даже коротко

рассмеялся от удовольствия: уел-таки следака!

– Вот ты и выяснишь.

– А вы когда про связку вещдоков говорили, имели в виду еще и ключи?

– Теоретически, – осторожно подтвердил Брагин.

– А можно еще в практическую плоскость переложить.

– Ну-ка.

– На ключах есть магнитная «таблетка», которой подъезды обычно отпирают. Имеет смысл походить по окрестным домам, поприкладывать. Вдруг какая-нибудь дверь отзовется?

– А если не отзовется?

– Вы же сами только что сказали, Сергей Валентинович... Есть немаленькая вероятность, что Сандр... девушка жила в том районе. Если обнаружить ее квартиру, многое может проясниться.

– Проникновение в жилище без решения суда? Без санкции прокурора?

– А мы быстренько, – раздул ноздри Паша. – Никто и не заметит.

Брагин неожиданно вспомнил, что подобным наивным волонтаризмом отличался во времена оны и капитан Вяткин. Вернее, тогда еще не капитан, а сейчас мог бы быть уже майором, если не полковником. Но Вяткин вечно и совсем неконструктивно дерзил вышестоящему начальству; ненавидел все, что не касалось работы «в полях», включая обязательные бумажные формы отчетности (долбаную писанину, как он выражался). За вольное обращение с вещдоками и уликами ему не раз вlepляли выговоры и представления о неполном служебном соответствии. И все же лучшего сыскаря и придумать было невозможно. И этот сыскарь совсем недавно высказался о Паше Однолете – годный паренек. Брагин вспомнил про «годного паренька», и его раздражение прошло. Он даже взглянул на щенка алабая с симпатией:

– Не дело, конечно. Но попробовать можно. Не в ущерб основным мероприятиям. Тебе еще камеры видеонаблюдения отсматривать.

– Так я в свободное от работы время.

– Разве что – в свободное. Заодно и олдскульный барбершоп навестишь. Не мешало бы бороду поправить.

«Серпико»

...«Свободное от работы время» наступило тем же вечером, после того как Паша Однолет объездил точки с уличными видеокameraми, прилегающие к остановкам на маршруте автобуса № 191. Вернее, их часть, причем не самую значительную. Но и ее хватило, чтобы понять: найти то, что они ищут (человек с красным рюкзаком, покинувший транспортное средство с регистрационным номером «В 310 АР» во временном промежутке между 14.00 и 16.00), практически нереально. Все равно что иголку в стоге сена искать. Для начала еще предстояло выявить и уточнить юрисдикцию установленных камер: муниципальная собственность, собственность юридического лица или сплошная самодеятельность лиц физических – владельцев и арендаторов коммерческой недвижимости на первых этажах зданий. Плюс камеры регистрации нарушений ПДД, которым было вольно стоять там, где заблагорассудится. И где Министерство внутренних дел пожелает. Как раз с гайцами, пошедшими навстречу группе Брагина, проблем было меньше всего, они даже пообещали выделить человека для осмотра и систематизации данных по камерам ведомства. Но это когда еще будет, – а пока Паше приходится управляться самому, ножками-ножками ходить вокруг видео-Эвереста, на вершине которого скрылся неизвестный (или неизвестные) с красным рюкзаком.

В двух местах оперу Однолету и вовсе отказали, несмотря на удостоверение; еще в трех – сообщили что сохраняют записи только в течение суток. К тому же несколько камер, гордо взирающих на окрестности с фасада карликовых стоматологических кабинетов и заведений общепита, оказались самыми настоящими фальшаками. Это подкосило Пашу окончательно, и он волевым усилием прекратил обход. Чтобы тотчас же начать другой – связанный с

ключами из кармана мертвой Сандры.

Теперь эти ключи покоились в его собственном кармане, что настраивало Однолота на философский лад. И еще – ему было грустно. Грустно все эти дни, с того самого момента, как он увидел Сандру: сначала – в капюшоне, скрывающем лицо. Затем – без капюшона, и первое, о чем подумал Однолет в новой бескапюшонной реальности, – он никогда бы не влюбился в эту девушку.

Не посмел бы влюбиться, такой красивой она была. Такой совершенной.

Конечно, рейсовый автобус, идущий с окраины, сильно упрощал Сандру, обманчиво упрощал. Но пахла она совсем не так, как пахнут обладатели проездных карточек на все виды транспорта. Поначалу Паша даже не сообразил, что это всего лишь духи, столь естественно запах вплетался в темные волосы, непокорно торчащие во все стороны, – так, что ли, протестуют против смерти? Непокорством, дерзостью, ведь лицо у девушки было дерзкое, и смерть нисколько эту дерзость не смягчила.

Паша служил в органах всего-то второй год, но уже успел повидать с десяток жмуриков, находящихся в самых разных секторах человеческого спектра. Бомжи («чада улицы», – как называл их капитан Вяткин), жертвы пьяных разборок, домашнего насилия и клубного передоза. Один самоубийца, один неудачно поскользнувшийся на обмылке в Пушкарских банях; была еще мутная история с бизнесменом средней руки из Абхазии (рейдерский захват ТЦ), не менее мутная – с коллекционером музыкальных инструментов и нотных раритетов Лутониным (рейдерский захват уникальной партитуры, чьей именно – Паша позабыл, а может, и не знал никогда). Итого – три женщины и семь мужчин. Кто-то выглядел лучше, кто-то хуже (один раз молодого оперуполномоченного даже вырвало), но в любом случае это были мертвецы. Куски мяса, сломанные куклы из плоти, смерть и не думала церемониться с ними.

С девушкой из автобуса № 191 все было иначе. Вернее, смерть отнеслась к ней иначе, с почтением и даже каким-то милосердием. Дала возможность удержаться на грани, отделяющей живых от мертвых, чуть дольше, чем следовало бы. Или дерзкая девчонка удержалась сама. Скорее всего. Дождалась Пашу Однолота и только тогда вздохнула с облегчением – уже с той, недостижимой для опера стороны.

Ты ведь pomoжeшь мне?

Помочь – означало найти убийцу, и Паша будет его искать. Промерзшую землю будет скрести ногтями, вот что. Как если бы это было его личным – очень личным – делом. Как если бы она была его девушкой или его младшей сестрой, хотя у Однолета не было ни девушки, ни сестры. Только мать, оставшаяся в его родном карельском городке Костомукша. И он уже две недели не звонил ей, не очень-то хороший сын Паша Однолет. Не очень хороший опер. Тугодум, хотя в школе МВД был не самым последним курсантом. И быстротой реакции тоже похвастать не может, и нестандартным подходом к делу, иным взглядом, позволяющим рассмотреть преступление с самых разных, иногда – неожиданных – ракурсов. Такой взгляд всегда находился у Сл. Жижека, у Фр. Фукуямы и еще у нескольких знаковых для Паши людей.

Вот только они – не опера. Не следаки.

И никогда не ездили в автобусе № 191.

Паша тоже не решился отправиться на улицу Коллонтай автобусом, а добрался до места назначения на метро. После дня, проведенного за безрезультатным отловом фантома с красным рюкзаком, голова у него гудела, и страшно хотелось бухнуться на диван, вытянуть ноги и полежать так пару часов, ни о чем не думая. Или думая о приятных вещах, или хотя бы нейтральных, вроде рыбалки на Ладоге. Рыбалка, конечно, операция прикрытия; обычно на Ладогу выезжали шумной курсантской компанией, мальчики-девочки, пофлиртовать и повеселиться, приготовить шашлык и, если повезет, – обзавестись постоянным другом или подружкой. Везло всем, кроме Однолета, не очень впечатлявшего девушек (чертовы подметки вместо губ!). А если и впечатлявшего, то ненадолго, до первого поцелуя. Тут-то сразу и вскрывалось, что Однолет – страшный зануда и псевдоинтеллектуал и чувство юмора ему при рождении не выдали, а вместо этого выдали двойную порцию серьезности, так что даже легкой улыбки от него не дождешься.

А большинству девушек нравится, чтобы их смешили, забавляли, и не грузили ненужной им информацией, и не требовали ответа на вопрос, когда же наступит Конец Истории.

Для Паши Однолота Конец Истории (не в фундаментальном, а в прикладном смысле) наступал довольно быстро, при чем тут губы, говорите?

При всем.

Это только шлюхам все равно, как ты выглядишь. Деньги не пахнут.

Капитан Вяткин – хуже любой девушки, хуже шлюхи, хотя опер-стажер относится к своему начальнику с уважением. И в личном рейтинге Однолота Вяткин почти подобрался к небольшой группе лидеров мнений. Идет ноздря в ноздю с Гомером Симпсоном и даже опережает его. Во всяком случае, в том, что касается здорового цинизма или нездорового цинизма – никакой разницы между двумя этими понятиями для Паши не существует.

– А с бабами у тебя как? – вскользь спросил однажды Вяткин у Паши.

Неформальная беседа предполагала любой ответ, вплоть до его отсутствия, но Паша решил набить себе цену в глазах начальства:

– Грех жаловаться, чего уж там.

– Есть постоянная девушка?

– Встречаюсь, но пока не решил.

– Ну и не решай, успеется. При нашей работе любовь – лишняя геморрой.

Капитан Вяткин был закоренелым холостяком и сексистом (ни писательница Симона де Бовуар, ни философ Сейла Бенхабиб этого бы не одобрили), оттого и беседа шла в заданном им русле: шуточки, подколки, байки и анекдоты. Паша в основном слушал и поддакивал, как ему казалось – вполне удачно. А напоследок Вяткин, подмигнув ему, спросил:

– Девственник?

Однолет немедленно покраснел, а капитан расхохотался:

– Не ссы, паренек. Никто не останется девственником. Жизнь отражает каждого.

С некоторой натяжкой это можно было считать жизненным кредо капитана Вяткина. Который в своем суконном и беспощадном правдорубстве как раз и был намного хуже любой знакомой Паше девушки. И даже хуже Гомера Симпсона. Сергей Валентинович Брагин, следователь, – совсем другой человек. Немногословный и сдержанный, и не хохмач вроде Вяткина; главное оружие Брагина – мягкая ирония. А еще Паша слышал про его жену Катю (красавицу), контекста теперь не упомнить.

Вроде бы она была знакома с погибшим коллекционером Лутониным или с кем-то из его домашних, на ведении следствия это никак не отразилось. Да оно толком и не закончилось до сих пор: убийца вроде бы найден, а нотный раритет исчез бесследно. Возможно, всплывет на каком-нибудь аукционе. А возможно, и нет. Но это уже не их, с Вяткиным и Брагиным, забота.

Теперь у Паши тоже появилась забота – совершенно отдельная. Сандра. Скрипачка, как утверждает судмедэксперт Пасхавер, и уже одно это переводит ее в разряд совершенно незаурядных личностей. Причастных к миру, куда Паше Однолету не попасть ни за что. То есть попасть можно, уплатив за билет в Филармонию или Капеллу или даже купив абонемент на «Вечера русской классики». Но не более того, зашел и вышел, разве что еще можно купить диск понравившегося исполнителя. Диск Сандры Паша Однолет купил бы обязательно, он скупил бы все диски на корню. Но даже этот акт немого поклонения не приблизил бы его к Вселенной Сандры, к ее внутренней музыке. Правда, то, что окружает ее сейчас, – сплошное белое пятно. Пустое пространство, на котором присутствует лишь несколько вещей, плохо соотносящихся друг с другом осколков. Можно заглянуть в них и увидеть что-то важное. А можно и ничего не увидеть, да вдобавок еще и порезаться об острые края. Как карта ляжет.

В тягучих многослойных размышлениях Паша едва не проехал нужную станцию – «Проспект Большевиков». Он выскочил из вагона в самый последний момент, едва не сбив с ног какую-то старуху с тележкой. Обычно такие старухи перемещаются по городу с утра, инспектируя рынки и магазины эконом-класса, и как она затесалась в вечернюю толпу – одному богу известно. Старуха, при помощи Однолета, еще успела удержаться на ногах, а вот тележка ее опрокинулась. И по мраморному полу весело покатались мандарины из

разорванного пакета – вперемешку с лиловым крымским луком. Добрая половина овощей и фруктов исчезла в щели между платформой и уходящим составом, что привело старую каргу в бешенство.

– Вот негодяй! – возопила старуха.

– Простите. Я нечаянно, – пробормотал Паша, судорожно подбирая с пола остатки лука и цитрусовых.

– Да чтоб ты сдох!

– Я же извинился!

– И сдохнешь, помани мое слово! – Фурия никак не хотела уняться. – И месяца не пройдет, как богу душу отдашь!..

Это было чересчур, и в любое другое время Однолет бы сильно расстроился, но сейчас пропустил слова старухи мимо ушей. Все дело в предмете, который валялся на полу и не имел никакого отношения ни к старухе, ни к луковым мандаринам.

Бронзовая пуговица с ушком.

Паша поднял ее, подбросил в руке и перевернул: на внешней стороне тускло засветился якорь, переплетенный канатом. Пуговица была явно нерусская, от нерусской морской форменки, но все равно знакомая. И этот канат, и якорь, и даже надпись на тыльной стороне – Kriegsmarine.

Именно эта пуговица приснилась Паше во сне, а сам сон был вещим. Ну, или как там называются судьбоносные сны, в которых ты оказываешься лицом к лицу с теми, с кем при других обстоятельствах никогда бы не столкнулся. При других обстоятельствах и в силу разных причин. Хотя в Пашином сне причина была одна-единственная: убийство.

Ему приснилась девушка из автобуса.

Такая же, какой он увидел ее впервые, только без куртки, все остальное было на месте: свитер, джинсы и рукоять ножа. Девушка стояла совсем рядом с Пашей, лицом к лицу, протяни он руку – запросто мог бы коснуться ее волос. Но что-то мешало это сделать; что-то помимо Пашиной природной застенчивости (в своих снах он не был застенчив, скорее наоборот, – бесстрашно что-нибудь покорял, взлетал куда-то, парил над чем-то).

Зеркало.

Да-да, даже в ирреальности сна девушка ускользала, оказываясь запертой по ту сторону, в зазеркалье. И там не было ничего, кроме нее самой, – но и темноты не было тоже. Скорее тени – беспокойные, наплывающие друг на друга. Вычислить природу теней было невозможно, но первое, что приходило в голову (если человек вообще способен анализировать во сне), – толща воды. Девушка стояла, упираясь ногами в дно, а на нее давила толща воды. И где-то там, наверху, над ее головой, проплывало нечто. Оно и отбрасывало тени. Рассмотреть «нечто» не представлялось возможным из-за рамы, в которую невидимое зеркало было упаковано: тяжелой, золоченой, полной каких-то восточных излишеств вроде камней и арабесок.

Во сне девушка что-то говорила Паше.

Это не было мольбой. И не было призывом спасти или гневным требованием покарать; они просто разговаривали (во сне Паша отвечал ей) – спокойно и ласково. Как уставшие после секса любовники. Или как брат с сестрой. Родные люди. Вспомнить бы еще, о чем был тот разговор!.. Почти наверняка он записывался на какой-нибудь невидимый божий смартфон, и Паша дорого бы отдал, чтобы раздобыть эту пиратскую запись.

Нельзя сказать, что беседа была такой уж беззвучной, кое-какие обрывки все же долетали, но они казались просто бессмысленным нагромождением не слогов даже – букв. И лишь одно слово донеслось отчетливо:

Сандра.

Поначалу, все так же не выходя из сна, Паша подумал, что это имя скрипачки. Потом, в оперативном порядке, решил, что это какая-то анаграмма или часть анаграммы: из зазеркалья, где все воспроизводится с точностью до наоборот,

еще и не такое прилететь может. Но никакого удобоваримого слова из предлагаемых букв состряпать не удалось, и Однолет снова вернулся к версии имени.

- Сандра? – беззвучно переспросил он у девушки.

- Сандра, – ответила та, не размыкая губ.

- А я Паша. Павел.

Что еще можно сказать девушке, чья мертвая красота сразила тебя наповал? О чем вообще нужно разговаривать? Об убийце, если она его знала. Но вместо того чтобы напрямую спросить об убийце, Паша протянул руку в сторону торчащего из свитера ножа.

- Больно?

Девушка улыбнулась и пробежалась пальцами по рукояти, грациозно и нежно, – как, должно быть, не раз пробегалась по скрипичному грифу. Музыка не последовало, и она снова повторила:

- Сандра.

- Я понял, – ответил Паша, хотя не понял ничего.

И в этот самый момент сверху на девушку посыпались пуговицы – военно-морские, с якорями и ушком на тыльной стороне, и идущей полукругом надписью «Kriegsmarine». Их было немного, пять или шесть, и с «посыпались» Паша погорячился. Они плавно, как будто в рапиде, скользили в воздухе, то останавливаясь, то продолжая падение. А потом резко застыли на уровне лица девушки – и опер Однолет проснулся.

Не в холодном поту, потому что сон не был кошмаром: просто открыл глаза и долго лежал в темноте, боясь пошевелиться. И все раздумывал – зачем этот сон, к чему и что он может означать? И не самое распространенное в здешних широтах имя – оно действительно принадлежит девушке? А если и девушка не из здешних широт? И как это может продвинуть расследование? Куда? Паша

сильно надеялся, что Сандра приснится ему еще раз – ведь они толком не поговорили, всего лишь присмотрелись друг к другу. Он, конечно, выглядел полным идиотом, кромешным – даже не сказал, что рад видеть ее живой.

Есть что исправлять.

Вот только она не живая – мертвая. И этого уже не исправить.

Надеждам Паши Однолота так и не суждено было сбыться, девушка больше не приснилась ему ни разу. А вот ее имя легализовать удалось. Правда, путем ползучего внедрения в ширнармассы мысли о сходстве неизвестной скрипачки с актрисой Сандрой Баллок (ничего умнее в голову опера не пришло). С такой идентификацией Паше проще было говорить о девушке с Брагиным и заниматься обычной рутинной работой первых дней: анализ вещдоков, проработка версий, сбор информации. Надо признать, не очень-то они и преуспели в этом.

И вот теперь – пуговица. Материализовавшаяся прямиком из сна.

Старуха уже укатила свою тележку в сторону эскалатора, к платформе подошел очередной поезд, и лишь Паша не трогался с места. Стоял и подбрасывал пуговицу на ладони.

Пол на станции был гладким и чистым – ни бумажки, ни кофейного зерна. Ничто не удержится на нем дольше нескольких минут, а значит, пуговицу потеряли совсем недавно. Паша взглянул на табло над тоннелем – запомнить время, так, на всякий случай. Вдруг придется отсматривать видеопленки; вопрос «кого именно ищем» опер сознательно оставил за скобками. Да хоть бы и морячка. Хипстера в постмодернистском бушлате. Соплячку из Мухи[4 - Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица.] – начинающего дизайнера и любительницу блошиных рынков. Паша вспомнил Муху неспроста, и знакомая дизайнерская соплячка у него имелась. Невесть как затесавшаяся в их курсантскую компанию девчонка со странным именем Богдана. Или, для краткости, – Бо. То есть это сама Бо так представлялась, а свое полное имя подавала как нечто необычное. Но это здесь, на севере, оно царапает слух, а где-нибудь на Западной Украине или в Польше таких Богдан можно высаживать в открытый грунт целыми кустами. И все равно они не закончатся.

Бо была смешливая и хорошо целовалась.

А Паша, наверное, не очень, – вот их роман и не продлился дольше одного вечера. Но телефон Бо в контактах остался, и Однолет даже звонил по нему один раз. И дважды отправил эсэмэску в обтекаемом формате какдела? Ответа, вполне ожидаемо, не последовало.

И морячок, и хипстер, и даже соплячка из Мухи, подозрительно смахивающая на вероломную Бо, легко и непринужденно монтировались со скрипачкой. Но только – живой. А вот представить, что кто-нибудь из них воткнул девушке нож аккурат в солнечное сплетение, – извините, нет. Тут зверь посерьезнее будет, – сказал бы капитан Вяткин, как обычно говорил, если преступление отличалось особой дерзостью, – такого мы еще в наших буреломах не видывали.

Паша Однолет не видывал точно.

...Нельзя сказать, чтобы район, прилегающий к станции метро «Проспект Большевиков» (дальним форпостом которого служили и приснопамятная Нерчинская, и начало улицы Коллонтай) был совсем незнаком Однолету. Он бывал здесь неоднократно, но дальше визитов в Ледовый дворец дело не заходило. Ледовый дворец – одна из основных городских спортивно-концертных площадок – и самая вместительная. В разное время Паша лицезрел в Ледовом хоккейные матчи (с приятелями по школе МВД), французскую певицу ZAZ и отечественную Елку (с кандидатками на должность герлфренд, так и оставшуюся незанятой). Была еще сборная солянка «Легенды РЕТРО-FM», на которую он сводил приехавшую из Костомукши мать, и пролёт с Земфирой. Тогда Паша простоял у Ледового часа два, в надежде оторвать лишний билетик, но не срослось. А за время топтаний у входа успел заметить выросшие, как грибы, высотки вокруг Ледового.

Земфира не случилась несколько лет назад, теперь же высоток только прибавилось. А ближе к Нерчинской пустые некогда пространства заняли огромные жилые комплексы. В любой из них при желании можно было заселить целую Костомукшу, за вычетом горно-обогатительного комбината «Карельский окатыш» – и все отлично бы там разместились.

Сколько здесь домов? А сколько подъездов в них? Только на первой линии, прилегающей к широкой Коллонтай, – сотни. А в глубине, в отростках

перпендикулярных улиц – тысячи! Так что же, бегать с «таблеткой» и прикладывать ее ко всем кодовым замкам?

Бегать. Прикладывать.

Ничего умнее Паша до сих пор не придумал, вопрос только в том, с каких домов начинать? Ближних к остановке «улица Нерчинская», где Сандра села в автобус № 191. Однолет даже постоял на этой остановке несколько минут, созерцая ландшафт. За его спиной гудела огороженная высоким забором стройка, откуда время от времени доносились хлопки, глухие удары и резкие, похожие на клекот голоса строителей-гастарбайтеров: птичий базар, да и только. На противоположной стороне улицы сверкал огнями огромный торговый молл (на карте в смартфоне он значился как «ТЦ «Лондон»); чуть левее высилась почти бесконечная китайская стена жилого дома этажей в двадцать пять высотой. И где-то у подножия этой стены, в сотах маленьких магазинчиков, кафешек и аптек, скрывался олдскульный барбершоп «Серпико».

Первоначально у Паши не было в планах ломиться в «Серпико», но пронизывающий ветер с Невы сначала сдул его с остановки, а затем подпихнул к китайской стене.

«Серпико» нарисовался не сразу. До этого были реликтовые «Авиакассы», «Автошкола», микроскопический магазинчик «Гардины», карликовое отделение карликового банка с непроизносимым названием и лавчонка с фастфудом «Жар-пицца». Витрины, как и положено витринам, призывно подсвечивались мягким неоном. И лишь над искомой дверью хлопало на ветру небольшое, кое-как закрепленное брезентовое полотнище с надписью:

СЕРПИКО

временная вывеска

Вздыхнув, Паша толкнул дверь. Она с готовностью распахнулась, и где-то в глубине помещения весело звякнул гонг. Спустя секунду опер Однолет оказался в комнате, истинный размер которой почти невозможно было определить. Во-первых, из-за обилия зеркал, визуально увеличивающих пространство. Во-

вторых, из-за темно-графитовой обивки стен, визуально это самое пространство уменьшающих. Откуда-то с потолка лился рассеянный, чуть приглушенный джаз, а одна из стен была украшена несколькими черно-белыми портретами бородача. В бородаче Паша не без труда признал актера Аль Пачино.

Еще один бородач сидел в новеньком, обитом кожей и блистающем хромом кресле: закинув руки за голову и забросив ноги на рабочую стойку. Точно такое же кресло пустовало рядом, а сама стойка была длинной, от стены до стены. И на ней располагалось все, что обычно располагается на подобных стойках во всех других парикмахерских. Но имелся и эксклюзив: кошки. Их было много (несколько десятков уж точно), и все они – в той или иной степени – являлись копией друг друга. Разница заключалась лишь в цвете, размере и интенсивности колебательных движений поднятой лапы. Иногда правой, но чаще – левой. Не все лапы покачивались, некоторые были просто задраны вверх, что напомнило Однолету знаменитое антифашистское приветствие «Рот Фронт! – Но пасаран!».

Неизвестно, были ли кошки антифашистами, но они точно были азиатами: китайцами или японцами. И по поверью приносили деньги и удачу, и даже имели название. Вот только оно напрочь выветрилось из Пашиной головы.

– Добрый день, – сказал Паша.

– Вечер, – меланхолично поправил бородач в кресле, так и не удосужившись не только повернуться к Однолету, но и поменять позу.

Так они и смотрели друг на друга через зеркало – Паша и бородач, парень лет тридцати. С идеальным черепом, идеальной стрижкой и лицом модели, рекламирующей линейку одежды и аксессуаров «Всё для яхтинга».

– Ну да, вечер.

– Если вам в «Булочную Вольчека», то это – следующая дверь.

– Не в булочную.

– Магазин «Ароматный мир» – через подъезд. Там сейчас скидки. Если покупаете две бутылки кальвадоса – третья в подарок.

- Как-то не тянет на кальвадос.

- Ага. «Суши-Вок»? – продолжил гадать бородач.

- Советуете?

- Не-а. Настоящие суши нужно есть в Японии. Или в Европе. В специализированных заведениях с обязательным этноперсоналом.

- Так у нас тоже есть... Специализированные. С этноперсоналом.

- Практика показывает, что наше этно весьма приблизительное. Подвержено странным фантазиям.

- Каким еще фантазиям?

- Роллы с беконом. Или там с колбасой. Это в какие ворота? Начинаешь адаптировать национальную кухню к местным быдлоусловиям – считай, потерял ее навсегда. Фу.

Диалог с бородачом выглядел даже страннее, чем фантазии создателей псевдояпонского фастфуда, и Паша все не мог сообразить, как на него реагировать.

- Может, вам аптека нужна?

- Это вряд ли. – Однолет с сомнением покачал головой. А затем, неожиданно для себя, ляпнул: – А цветы поблизости продаются?

- Само собой. 24 часа. Сейчас выходите и идете в сторону метро. Зеленая вывеска, красная дверь. Метров сто отсюда.

- Вообще-то, я к вам.

- Да ну? – искренне удивился бородач.

- Это ведь «Серпико», э-э... барбершоп?

- Что-то вроде.

- Хотелось бы бороду в порядок привести. Слегка. Это возможно?

- В принципе да.

Энтузиазма в голосе салонного яхтсмена не наблюдалось, что тоже было странным.

- Собственно говоря, мы только открылись.

- Я понял.

- Даже вывеску нормальную не успели прикопатить. А вы откуда про нас узнали?

Паша сунул руку во внутренний карман куртки, вытащил оттуда рекламный листок и помахал им в воздухе.

- Вот.

- А, точно.

- Десятипроцентная скидка предъявителю...

- Я помню текст.

- Так что?

- Поправим вашу бороду, раз пришли. - Бородач наконец снял ноги со стойки. - Куда деваться.

- Станный у вас сервис. Не боретесь за клиентуру?

- Только этим и занимаемся. Раздевайтесь. Вешалка в углу.

Так и не оглянувшись на Пашу, бородач выбросил правую руку вверх и чуть назад. Жест, почти полностью повторяющий благодушное помахивание кошачьих лап. Проследив взглядом за рукой Бородача, Однолет наткнулся на рогатину, где уже висели кожаная короткая куртка, безрукавка цвета хаки и бушлат.

- Любопытные у вас котики, - сказал Паша, не сводя глаз с бушлата. - На удачу?

- И процветание. Угу.

- Судя по количеству... м-м-м... особей, гребете деньги лопатой?

- Экскаватором. Буся! Бууууссь!

Бородач явно кого-то призывал, при этом его баритон неожиданно съехал на фальцет - кокетливый и склочный одновременно. Под аккомпанемент фальцета Паша вплотную придвинулся к рогатине и принялся снимать с себя куртку. Эта процедура заняла чуть больше времени, чем следовало: все из-за того, что он пытался рассмотреть бушлат на предмет (чем черт не шутит!) отсутствия пуговицы. Но черт сегодня был совсем не склонен шутить: все пуговицы на бушлате оказались на месте. Более того, ничего общего с экземпляром, найденным Однолетом в метро, они не имели: не бронза, а черный металл. И вместо якоря там красовался медальный профиль какого-то мужика, по иронии судьбы - такого же бородатого, как Аль Пачино и яхтсмен-надомник. Да и сам бушлат вовсе не был форменным, совпадал только цвет. И мягкий кашемир, из которого он был сшит, не имел ничего общего с грубым флотским сукном.

- Буся, мать твою! - снова воззвал Бородач.

Спустя секунду в дальней части салона приоткрылась дверь, и на пороге возник еще один бородач с чашкой в руке и телефоном, прижатым к уху. От первого бородача его отличала масть (платиновый блонд vs конский каштан) и татуировки на подкачанных руках. Линейка одежды и аксессуаров - «Всё для тревелинга. Жизнь в постоянном путешествии».

- Перезвоню, - бросил невидимому собеседнику Буся и отключился.

- Кто? - с подозрением в голосе спросил яхтсмен.

- Не то, что ты подумал.

- Кто?

- О господи, Буся! Ну, Курепин, ну? Щенка нам привезут послезавтра. Успокоился?

- Правда?

- А когда я врал, Буся?

- Случалось, Буся.

Теперь платиновый блонд и конский каштан почти ворковали, перебрасывая друг другу нелепое «Буся», как шарик от пинг-понга. И Паша наконец-то сообразил, что это - прозвище, домашняя кличка вроде «зайчика» или «котенка», какую еще живность выпускают из вольеров связанные отношениями люди?

Отношениями. Гм-м...

- У нас клиент, - сообщил первый бородач. Таким тоном, как будто представлял Пашу своему приятелю на светском рауте.

- Это я, - робко подтвердил Однолет.

- Собрался приводить в порядок свою щетку.

- Метлу, - поправил второй бородач, внимательно разглядывая Пашу, который не торопился отлипнуть от вешалки. - Дворницкую. Все очень запущено.

- Не то слово! - поддакнул первый.

- Кофе?

- Это вы мне? - Паша перевел взгляд на чашку в руках платинового блонда. - Спасибо, конечно... Но...

- Этот кофе - мой. Вам приготовят отдельно. Входит в прайс.

- Хотелось бы ознакомиться... с прайсом.

Паша мысленно представил содержимое своего потрепанного кошелька: две тысячных купюры, две пятихатки и несколько смятых сотенных. Есть еще банковская карта примерно с такой же суммой. Неизвестно, как на метлу, а на щетку должно хватить. Все-таки не центр города, а революционная окраина, плюс десятипроцентная скидка...

- Прайс - щадящий, - заверил Однолота блонд.

- Ну, тогда...

- Присаживайтесь.

Через десять секунд Паша уже ерзал в кресле, а еще через секунду блонд набросил на него накидку - темно-графитовую, в цвет стен. В зеркале отразилась буквенная часть логотипа, которую, после определенных усилий, опер классифицировал как «СЕРПИКО».

- Занятое название.

- Раньше его не слышали?

- Нет. - Застегнутая на липучки накидка слегка поддавливала шею, и Однолету приходилось сипеть.

- Так называется один мощный фильм...

- С Аль Пачино, - осенило Пашу.

– Да. Полицейская драма о том, как белые вороны меняют мир.

– И как? Удалось изменить?

– Белым воронам иногда везет. Так что делайте выводы.

За последующие сорок минут Однолет узнал, что Бусю-блондина зовут Макс, а Бусю-шатена – Алекс; что последние полгода они стояли в очереди за щенком хаски и даже успели придумать ему имя.

Серпико, как и следовало ожидать.

Собачья порода и имя для щенка оказались единственной вещью, не вызывавшей у Макса и Алекса разногласий. Они обсудили три сериала, о которых имели диаметрально противоположные мнения; таинственного Курепина, таинственную Зазу Наполи, старую пидовку КаТэ, еще более таинственную, чем все остальные; грядущее католическое Рождество (Макс склонялся к мысли о поездке в Рейкьявик, а Алекс настаивал на Гоа), реставрацию Новой Голландии (Максу она понравилась, а Алексу – категорически нет), а также «фестивали, конкурсы, концерты». И все то, что нравилось Алексу, отвергалось Максом. И наоборот:

Ну, Бу-у-усть, это же хернина полная, согласись!

Неясно, что ли, что все это – говнятина, Бу-у-усть!

Даже обсуждение однолетней бороды переросло в склоку, закончившуюся сакраментальным «жопе слова не давали!». Это сакраментальное Макс бросил Алексу и был, в общем-то, прав: стриг Пашу именно он, а Алекс всего лишь отвечал за кофе. И за конфетки с печеньками. И конфетки, и особенно печеньки оказались кстати: рыская в поисках нужного видео, Паша не жрал с самого утра. От ни на минуту не замолкавших геев (оба Буси были классическими геями, тут и к гадалке не ходи!) у опера Однолета разболелась голова, и он даже подумывал о том, чтобы вытащить свое суровое и беспощадное удостоверение. И сунуть его в холеные гомофизиономии. И посмотреть на реакцию. Но поначалу сделать это мешала накидка, спеленавшая Пашин торс. А потом... потом он решил «не высекать», как сказал бы капитан Вяткин. И просто сидел и искоса посматривал

в зеркало: что-то безумный Макс еще придумает с моей бородой?

У Макса оказалась мастеровитая и твердая рука. И несомненный талант стилиста. Борода Однолета, до сих пор служившая бессмысленной ширмой его – таким же бессмысленным – губам, неожиданно приобрела самостоятельную ценность. Теперь ее сложная и прихотливая структура (три пары ножниц, машинка для стрижки, жгуты и нити) подчеркивала выигрышные черты и умело маскировала провальные.

Не Тор, само собой, но викинг из третьей сотни – точно.

– Морда у вас, конечно, как башмак, – сообщил Паше перфекционист Макс. – Но тут уж ничего не поделаешь. Могу нанести маску в качестве временной меры. Синяя глина, минералы, перчик халапеньо. Делу это вряд ли поможет...

«Перчик халапеньо» в гейских устах прозвучал более чем двусмысленно.

– Не надо маску. – Однолет вцепился в подлокотники и инстинктивно вжался в кресло. – По-моему, все и так очень хорошо...

– Действительно, Буся. – Алекс решил поддержать Пашу. – Не навязывай человеку дополнительные услуги. Еще обвинят в гейпропаганде. А все должно быть по обоюдному согласию, правда?

Шатен подмигнул Однолету и расхохотался.

– У меня девушка есть.

Зачем Паша сказал об этом? Геев не интересуют девушки, и уж тем более – девушка залетного клиента, которого они видят в первый и последний раз.

– Бедняга, – теперь уже захохотал Макс.

– Наши соблезнования, – поддержал его Алекс.

В общем и целом два брата-акробата были миляги. И парный конференс им удавался, и их нарочитое хамство не выглядело оскорбительным, скорее

– веселым и безобидным. А еще они были хорошими психологами: сразу вычислили, что Паша – интеллигентный человек, миролюбивый, и у него и в мыслях нет к ним прикопаться. Окажись на его месте гопник, футбольный ультрас или член уличной группировки «Коловрат» – поведение обоих Бусь было бы совсем другим. Миляги, да, и совсем не то имели в виду, когда выражали свое шутовское соблезнование. Но – совершенно случайно! – они попали Однолету прямиком в солнечное сплетение. Туда, где торчала рукоять ножа. Паша Однолет по-настоящему скорбел о Сандре. Как и когда ее смерть стала его личной потерей – неизвестно, но сейчас он ощутил настоящую горечь.

С привкусом металла и крови во рту, – никакими печеньками не заешь.

– Она скрипачка, – сказал Паша. – Живет здесь неподалеку.

Улыбки на лицах Макса и Алекса засверкали, затрепетали – как рыбы плавники на прошитом солнцем мелководье.

– Ага, – промурлыкал Макс. – Интересно.

– Очень, – поддакнул Алекс. – Как тесен мир. Правда, Бусь?

– Не то слово, Бусь.

– У нас тоже есть знакомая скрипачка. И тоже живет поблизости.

«Поблизости» и «неподалеку» – слова-синонимы, не так уж много скрипачек сыщется на маленьком пяточке в спальном районе Петербурга. Если вычесть музыкальные школы для детей, разумеется. И самоучек, терзающих инструмент назло соседям. Не исключено, что и Паша, и Макс с Алексом имели в виду одного и того же человека. Выяснить это можно было в течение минуты: во внутреннем кармане однолетней куртки лежала посмертная фотография Сандры. Предъяви он ее – и все сразу станет на свои места. И если окажется, что Макс и Алекс знакомы с девушкой, они – с вероятностью девятидесяти девяти процентов – назовут ее настоящее имя. И наверняка сообщат подробности, способные пролить свет на ее личность.

Девушки любят геев и делятся с ними своими секретиками.

Об этом Паше поведала Бо в тот единственный вечер, когда была его герлфренд. Непонятно, почему вообще в разговоре с Бо всплыла подобная тема. Ага. Бо жаловалась на парней, какие они нечуткие и как неспособны понять.

- Понять что? – удивился Паша.

- Что угодно.

- Может быть, с ними нужно просто поговорить?

- Это не поможет.

- А если поговорить подольше?

Парни не умеют говорить долго, не любят. Парни озабочены эрекцией и доминированием, а еще проблемой самореализации (опять же, понимаемой как доминирование) и проблемой больших денег. Для таких случаев, чтобы девушки не чувствовали себя совсем уж неуютно, природа и придумала геев. Безотказные жилетки и великих утешителей, которым не нужно от девушек ничего.

Одно лишь вечное сияние чистого разума.

Черт его знает, что за дикие мысли посещали Бо. В голове насрано, – как сказал бы капитан Вяткин, тогда еще незнакомый курсанту Однолету.

Опер Однолет мог вытащить фотографию из кармана в любой момент, но почему-то не торопился этого делать. Если бы он не стриг проклятую бороду, не пил кофе и не жрал в три горла печеньки, вполуха слушая щебет Бусь... Если бы он просто вошел в «олдскульный барбершоп» и сунул владельцам удостоверение – это было бы честно и правильно. А главное, профессионально. В стиле капитана Вяткина. Но оставшийся без присмотра и твердой руки Паша избрал линию поведения Сергея Валентиновича Брагина – притворщика и лицедея, каких мало; друга всех свидетелей, змея подколодного и двойного агента.

Избрал – вот и мучайся.

- Стрижка у нее классная.

- У вашей девушки? – уточнил Алекс.

- Ага. Такой... беспорядок на голове. Мне очень нравится.

- Шэг, – снова разулыбался Макс, уставившись Паше куда-то в переносицу.

- Не понял...

- Такая стрижка называется «шэг». Стилизованная под беспорядок. Может быть и не стрижкой, поскольку делается на волосах разной длины. Но беспорядок и небрежность – главное условие.

- Вы и такие делаете?

- Я стрижу мужчин.

Это ничего не значит. Мужчин можно стричь, с ними даже можно спать, бр-ррр... но и женщин не стоит сбрасывать со счетов. Что, если Макс и Алекс – знакомые Сандры? И не просто знакомые. Что, если они знают ее секретик? Не факт, что это именно тот секретик, который привел ее к смерти. А может, и факт, но это только осложняет дело. Хорошо. Допустим, факт. И достань Паша фотографию мертвой девушки, сунь ее Бусям, – какой будет реакция?

Непредсказуемой.

Макс и Алекс могут рассказать то, что знают. А могут и не рассказать, отморозиться, – не были, не состояли, не участвовали. И тогда уж точно Паша не узнает ничего. Но вариантов нет, вернее, он только один: сунуть барбершоперам фото под нос, а затем пришить корочками. Именно в такой последовательности. Вот и кошки – китайские или японские! – не просто машут лапами. А вполне осмысленно: давай, Паша-сан, возвращайся к служебным обязанностям. И помни, что говорил в подобных случаях капитан Вяткин: если не знаешь, как поступить, поступай как мент поганый.

- Сколько я должен? – Однолет попытался придать своему голосу беспечность.

- Три тысячи. Со скидкой – две семьсот.

- По-моему, здорово получилось.

- Вашей девушке должно понравиться.

- Надеюсь, понравится.

- Значит, о нас вы узнали...

- Из листовки, Бусь, – вклинился в разговор Алекс.

- А это важно? – Паша почувствовал себя стоящим на скользком камне посреди озера, чье дно густо покрыто илом, оттого и определить глубину невозможно. – Моя девушка мне ее и принесла.

- Скрипачка, – уточнил Макс.

- Да.

- Мы таким образом отрабатываем маркетинг.

- И таргетирование, – добавил Алекс. – Была еще реклама в интернете. И в соцсетях. Так что подписывайтесь на нас. В Инстаграме тоже.

- Порекомендую вас знакомым, – подытожил опер Однолет. – А девушка... Вот она.

Через секунду фотография оказалась в Пашиных руках, после чего он поболтал ею перед лицом Макса.

- Ну да, – тут же согласился Макс, мельком бросив взгляд на фото. – Знакомое лицо. Значит, вы ее парень?

- А что?

– Ума не приложу, чем это вы ее зацепили. Просто интересно. Да.

Улыбка, вскарабкавшаяся на лицо Макса, была призвана не то чтобы поддразнить Однолота, – уязвить его. Мол, куда тебе с суконным рылом, чувачок, да в калашный ряд. А потом что-то произошло, и улыбка трансформировалась. И выглядела теперь примерно так же, как временная вывеска над дверью «олдскульного барбершопа»: жалкое подобие вывески настоящей, и брезентовые концы хлопают на ветру.

– Она... Она мертвая! Она мертвая, Бусь!

Эта фраза несомненно относилась к фотографии. Посмертному изображению Сандры, потому что прижизненных у Однолота не было и быть не могло. Но в самом фото не наблюдалось ничего отталкивающего, ничего вопиющего, что обычно сопутствует криминальным снимкам с места преступления. Напротив, можно было подумать, что Сандра спит и видит сны... Если бы не струйка запекшейся крови в уголке рта.

Видимо, именно эта – невыносимая для среднестатистического обывателя – деталь и вызвала такую реакцию. Непредсказуемую, как и предполагал Однолет. Чрезмерную. Потому что волосы на голове Макса натурально встали дыбом, и борода тоже вздыбилась. И глаза были готовы вот-вот выскочить из орбит. Не менее жалкое зрелище представлял и Алекс. С той лишь разницей, что Алексов волосяной покров не пошел вразнос, а свернулся и скукожился. А вместо глаз немедленно образовались небольшие кратеры, – так глубоко они запали. В другое время Однолет с интересом бы понаблюдал, какие невероятные метаморфозы проделывает с человеком страх, но сейчас действовать нужно незамедлительно. Пока Макс и Алекс не пришли в себя. И Паша лихим, почти киношным жестом вытащил удостоверение и сунул его под нос деморализованным Бусям.

– Думаю, что зацепил вот этим, – потрясая корочками, процедил он. – Лейтенант Однолет, уголовный розыск. А теперь быстро. Что знаете о девушке. С чувством, с толком, с расстановкой.

– Ничего... особенного, – проблеял Макс. – Просто виделись несколько раз.

– Здесь?

- Здесь и... В кафе.

- «Жар-пицца»?

- Нет. Вольчек. Кондитерская. Соседняя дверь. Только с другой стороны. Эта встреча... Она случайная. Мы как раз за вкусняшками зашли, а она пила там кофе.

Вздых у Макса вышел горестным, и лицо болезненно сморщилось, но не потому, что ему было жаль девушку. Скорее, это относилось к соседней двери. И собственно к «Серпико». Макс сожалел о том, что когда-то пересекся с Сандрой, позволил себе вступить с ней в контакт. И теперь струйка крови на фотографии угрожала его обычной, сдобренной дорогим парфюмом, безмятежности, - выпутывайся, пыль глотай, объясняй, что ты не верблюд!

С некоторыми женщинами одни проблемы, да.

- Как ее зовут?

- Э? Как ее зовут? - Макс переадресовал вопрос Алексу. - Ты не помнишь, Бусь?

- Ну, ты даешь, Бусь. Мы и не знали никогда, как ее зовут.

- Точно.

- Интересно получается. Вы не знаете ее имени, но при этом знаете, что она - скрипачка. И живет где-то рядом.

- Если вы соседи, то иногда встречаетесь, - пояснил Алекс. - Вот и мы встречались. На улице, когда мимо проходила. В кафешке опять же один раз. Естественно, как вежливый чел здороваешься. То-сё.

- Что именно?

- Не понял?

- Что именно - «то-сё»?

- Погода там... хорошая или нет. Или - «выглядишь шикардос, беби». И поцелуй. Воздушный. - Алекс даже изобразил этот воздушный поцелуй: приложил два пальца к губам и тотчас же отнял их.

- А про скрипачку откуда сведения?

- Так она в кафе со скрипкой и сидела, - сказал Макс.

- Ты еще спросил у нее... - начал было Алекс, но тут же осекся, заметив испепеляющий взгляд приятеля. - А может, и не спрашивал...

- Так о чем спросили?

Паша картинно повернулся в сторону Макса и столь же картинно поскреб подмышку, а уж что там у него под мышкой... Очевидно, трусоватый парикмахер вообразил себе десятизарядный кольт в кобуре. Оттого и произнес едва ли не скороговоркой:

- Где купить билет на ваши выступления? На выступления той девушки в смысле. И что я мечтал бы побывать. Вот и все.

- А она?

- Засмеялась. Сказала, что даст знать когда.

- А вы?

- А мы - вот. - Вклинившийся Алекс снова изобразил не лишенный жеманности воздушный поцелуй.

- И пошли за вкусняшками?

- Да.

- Когда это было?

- Месяц назад. Примерно так.

- Значит, в ноябре, - тут же прикинул Паша. - А когда видели ее в последний раз?

- Это, наверное, и был... Один из последних, - осторожно заметил Макс, скосив глаза на Алекса. - Так, Буся?

- Что-то вроде того, Буся.

- Ладно. В связи со скрипкой она ничего не упоминала? Консерваторию там... Оркестр какой-нибудь?

- Не упоминала. Она вообще почти не разговаривала. Привет-пока. Улыбалась иногда при встрече. Это всё.

- Кто-нибудь ее сопровождал?

- Куда? - не понял Алекс.

- Э-э... Обычно она была одна или со спутниками?

- Спутники типа вас? - снова вклинился Макс.

Парень, имеющий виды на девушку-скрипачку. Именно так изначально представился Паша, и Макс этого не забыл. Да и зачем ему забывать, как «лейтенант Однолет, уголовный розыск» накосячил с дешевым театральным представлением?

- Вообще спутники. Любые. Мужчины, женщины, дети. Собаки, кошки. Возможно - ручная ящерица. Игуана.

- Ничего похожего, - сказал Алекс.

– Ничего, – подтвердил Макс. – Только скрипка, и то – один раз. В кафе... когда мы ее видели, она тоже была одна.

Нужно признать, что на вопросы Буси отвечали довольно толково, без излишних нервов и метаний. И вообще, они как-то разом успокоились, физиономии их разгладились, бороды и прически снова улеглись волосок к волоску. Первый шок прошел, да и сам Паша Однолет оказался не inferнальным людоедским злом на манер доктора Лектора (еще бы – успел постричься, прикинувшись простачком, а потом та-а-кое выкатил с особым цинизмом!).

Не злом – представителем закона.

– Четырнадцатого декабря, между четырнадцатью и шестнадцатью часами. – Однолет на секунду задумался. – Плюс-минус час... Не общались с этой девушкой?

– Это два дня назад получается? – уточнил Макс. – Нет.

– Нас вообще здесь не было целый день, – подтвердил Алекс. – Мы в Сертолово ездили, к собачке.

– Не понял? – удивился Паша. – К какой еще собачке?

– Мы же щенка берем. – В голосе Макса послышалось воодушевление, он даже губами причмокнул. – Вот и скатались к Курепину, в его питомник. Выбрать симпампулечку. Познакомиться.

Щенок хаски, точно. Буси говорили об этом еще тогда, когда борода Однолета смахивала на метлу. Так что заподозрить их в синхронном вранье было нельзя. Да и врать смысла нет. При нынешних средствах связи и наблюдения любая GPS-ложь мгновенно вылезет наружу. Как и любая другая пространственно-временная ложь.

– Мы даже фотки сделали, – разулыбался Алекс. – Нашей няшечки. Хотите посмотреть?

– Обойдусь.

– А с ней что произошло?

Паша не сразу сообразил, что речь идет о Сандре.

– С девушкой. – Макс заранее сморщил нос и округлил глаза. – Несчастный случай?

– Убийство.

Всё тот же горестный вздох: с некоторыми женщинами одни проблемы. А главная состоит в том, что они спят и видят, как бы разрушить благостный мир отдельно взятого барбершопа. Живые они при этом или мертвые – без разницы.

– Бедняжка. А что именно произошл... – Предложение Алекс так и не закончил. Из-за предостерегающе поднятой руки Макса.

– Ну зачем тебе кровавые подробности, Буся? Ты и так без новопассита не засыпаешь. Они же кровавые, да?

– Девушку нашли убитой в рейсовом автобусе, – отчеканил Однолет. – Автобус № 191. Остановка как раз напротив вашего салона.

– Жесть какая! Бр-ррр! Ни за что теперь в него не сяду, в этот ужасный автобус! – запричитал Алекс.

– Что-то я припомнить не могу, когда ты последний раз на общественном транспорте катался, – тут же уличил бойфренда Макс. И, помолчав, добавил: – А вообще – бедняжка, конечно. Такая милая.

– Просто шикардос.

Бражники

...Нож.

Все это время Д. думал о ноже – как тот подвел его. И подвел Девушку. То есть поначалу не было вообще никаких мыслей, только темнота. Не обычная, к которой Д. привык с детства (теплая, бархатная темнота южной ночи), – совсем другая. О тепле и речи быть не может, свинцовые волны смыкаются над головой. Свинцовые ветра. И где-то там, над ветрами, летают бражники – проклятие и благословение его детства. Олеандровый, винный, молочайный, сиреневый, подмаренниковый, а еще вьюнковый и глазчатый, и бражник-нетопырь, и, наконец, Мертвая голова.

Царь царей.

Бражники – бабочки преимущественно ночные, но и дневного света не особенно боятся, что выгодно отличает их от вампиров и прочей нечисти. И они красивые – что тоже отличает. Так Д. всегда и думал о бражниках – красавцы! С мощным телом и мощной парой верхних крыльев (нижние – мелкие и какие-то недоразвитые, что есть – то есть). А еще они присыпаны пылью, густо-густо: таким толстым слоем обычно кладут пудру на лицо стареющие женщины или актеры японского театра Кабуки. Этот японский театр – занятное зрелище, во всяком случае – на открытках. У Д. есть целый набор кабуки-открыток, купленный в маленьком магазинчике возле Московского вокзала. Магазинчик торгует книжной стариной. На обратной стороне каждой открытки указаны названия спектаклей, в которых заняты актеры. Это – смешные названия:

«Сибараку»

«Сукэроку»

«Наноцуомотэ».

И очень смешные названия:

«Осимо-доси»

«Футао-мотэ».

Прилипли к нёбу, как ириски из детства, – и не отлипают. А еще Д. иногда представляет себя одним из актеров. В каком-нибудь героическом эпосе вроде

«Канадэxon Тюсингура», в действии номер девять, где никогда не кончается снег. И Д. точно знает, что Девушка при этом находится в зале и во все глаза смотрит на сцену и на него – человека, которого раньше не замечала толком. И думает: Он талантливый. Возможно даже: Он герой. И глаза ее увлажняются.

Театральный снег до места, где сидит Девушка, не долетает. Только реплики Д., исполненные мужества и жертвенной любви.

Он никак не может додумать мысль о жертвенной любви до конца – всё не хватает времени. Приносить в жертву себя или кого-то другого? Может быть, бражников? Открытки, купленные в магазинчике, набитом книжной стариной? Времени не хватает, его сжирает глупая, никому не нужная работа. Подёнщина, – кажется, так это называется; смешное слово, еще смешнее, чем наноцуомотэ.

Сейчас время вроде бы появилось. Осталось только найти его в темноте.

Если сжать живого бражника в пальцах – тот сразу же сбросит часть пыльцы. Захрустит, как трубочка с кремом из детства. Бражник и похож на маленькую трубочку с кремом, к которой приделали крылья.

Интересно, кому-нибудь из детей приходило в голову съесть такое необычное (на самом деле – вполне обыкновенное) лакомство? Ему, когда он был ребенком, – точно нет. Ему просто нравилось наблюдать за бражниками – как они порхают, разгоняя сумерки. И сейчас нравится.

Бражники разложены по специально склеенным для них коробочкам из плотного картона. Дно коробочек устлано прядями волос, тут и темные волосы, и светлые: в зависимости от масти обитателя коробочки. Подмаренниковый, вьюнковый и бражник-нетопырь хорошо смотрятся на темных волосах, молочайный и винный – на светлых. Предел мечтаний Д. – разжиться еще и рыжими, хотя бы парой локонов, но случая пока не предоставлялось.

Оттого олеандровый бражник и зябнет в ожидании. И Царь Царей зябнет.

Мертвая голова.

На самом деле предел его мечтаний – Девушка. И бражники это хорошо понимают. И открыточные актеры театра Кабуки – тоже. И если они и сердятся и ревнуют – то самую малость. Нож – другое дело; ни жалости, ни сострадания нож не знает, взял и подвел Д. А ведь рукоять ножа знакома ему в мельчайших подробностях – так сильно ее сходство с куколкой любого из бражников, которые никому не причиняют зла.

Д. и сам теперь куколка.

Сколько это продлится и что вылупится в финале – неизвестно.

Кто встретит Д. на границе сумерек и темноты – неизвестно. Известно лишь, что с неба и его окрестностей будет падать снег. Падать, сыпать, идти, валить без продыху. Потому что снег никогда не кончается.

1523

...Если верить Бусям, Сандра обитала где-то поблизости. Поэтому и встреча с ней на улице выглядела совершенно естественной, а не из серии «интересно, что забыла девушка в этих долбнях». Так что, выкатившись из «Серпико», Паша направил свои стопы в «Вольчек» (соседняя дверь), где получил безрадостную, хотя и ожидаемую информацию о том, что клиентов множество и всех не упомнишь. Предъявленная персоналу фотография дела не поправила. В остальных забегах, магазинчиках и лавках повторилась та же история: не видели, не заходила, а-а-а... возможно, покупала сигареты, но не факт. Покончив с местами массового паломничества потребителя, Однолет переключился непосредственно на жилой массив.

На ближайшем к Бусям подъезде таблетка не сработала, и на следующем тоже. Зато в третьем по счету (кв. №№ 1466–1585) замок коротко запищал от радости узнавания. И спустя секунду Однолет оказался в еще пахнущем новенькой отделкой вестибюле. На левую стену было навешано больше сотни одинаковых почтовых ящиков, правую оккупировали лифты. Один широкий – грузовой и два поуже, пассажирских. Также имелись дверь на черную лестницу и небольшое окошко. Окошко выходило в предбанник подъезда, откуда Паша только что просочился в вестибюль.

Присев на низкий подоконник, Однолет задумался. Ему несказанно повезло с подъездной дверью – и это была компенсация за бездарно проведенный день. По опыту он знал: двух одинаковых кодовых замков не бывает, значит, Сандра вышла именно отсюда. Или, во всяком случае, могла появиться здесь в любое время. Еще заходя в подъезд, он заметил видеокамеру – возможно, она подтвердит уход девушки, но особо надеяться на это не стоит. Во-первых, все случилось несколько дней назад, а умельцы при таких камерах – совсем не стайеры и обновляют записи едва ли не каждые сутки. А иногда и вовсе отключают видеообзор: висит приبلуда для красоты и номинального поддержания порядка – и пес с ней.

Сто двадцать почтовых ящиков. Сто двадцать квартир. И только в одной из них могла проживать или просто оказаться Сандра. Сто двадцать к одному – не самый удачный расклад, но и не иголка в стоге сена. По меньшей мере – ножницы. Одни из тех, которыми кудесник Макс стриг Пашину бороду – филировочные, или как там они называются? Ножницы в стоге сена – не так уж страшно, если правильно спланировать поисковую операцию. Самый простой вариант (к нему склонился бы капитан Вяткин, начинавший карьеру простым участковым) – поквартирный обход. Подробная и обстоятельная беседа с жильцами. За свое недолгое пребывание в органах Паша успел поучаствовать в нескольких подобных обходах.

Редкостная мутотень.

В старых домах – еще куда ни шло: там люди хотя бы знают друг друга в лицо, встречаются на лестницах, иногда выпивают вместе, празднуют Новый год и день Военно-морского флота; следят за животными и растениями, если кто-то из жильцов уехал в отпуск, – по-соседски. Паша Однолет сам проживал в таком доме на набережной реки Карповки, в большой коммунальной квартире (пятнадцатиметровая комната в ней досталась оперу от двоюродной бабки).

Новые дома – совсем другое дело. Особенно такие муравейники, как этот, – с бесчисленным количеством подъездов и квартир в них. И то, что первый этаж – нежилой, не имеет никакого значения. Зато остальные набиты под завязку. Здесь можно годами жить, ни с кем не сталкиваясь нос к носу. И каждый раз заходить в лифт с совершенно разными людьми. Так что, поквартирный обход – пустая трата времени. Да и беспокоить людей в...

Интересно, который сейчас час?

Паша отогнул рукав куртки и взглянул на часы («Командирские», со звездочкой вместо цифры 12, подарок матери на окончание школы МВД) – 20.57.

Не самый поздний вечер. Все, кто работает, уже успели вернуться домой, но вряд ли отправились на боковую. Так что звонок в домофон не будет криминалом. В крайнем случае некие бесплотные тени пошлют такую же бесплотную тень. Кем бы она ни представилась: курьером, разносчиком неаутентичных пиццы или роллов (привет тебе, каштановый Буся!), службой доставки орхидей. В случае опера Однолота это не важно в принципе.

Важны те, кто не отзовется.

Пашин план был прост, обстоятелен и не слишком изыщен: как раз для тех, кто ищет ножницы в стоге сена. Может сработать, а может – нет. Скорее всего – нет, но попытаться стоит.

Паша достал небольшой, но уже изрядно потрепанный блокнот. Или, скорее, книжку для записей в кожаном переплете, – заведенную когда-то в подражание капитану Вяткину, ненавидевшему современный мир гаджетов. Похожие блокноты были еще у одного человека – судмедэксперта Пасхавера, но те отличались большим размером и щеголеватостью: бусины там всякие, подвески, специальный японский карандаш. А у Вяткина (и Паши заодно) – блокноты обычные, копеечные. Самые, что ни на есть, рабочие лошадки. Не для понта, а для смысла.

Открыв блокнот, Однолет аккуратно переписал номера квартир, а затем вышел в предбанник к домофону и набрал на пульте первую в списке квартиру – 1466.

Минут через сорок всё было кончено.

За это время Паша успел пропустить в подъезд многодетную семью (по виду похожую на цыганскую), мужика с собакой породы джек-рассел-терьер, мужика с цветами; компашку юнцов с пивом, компашку таджиков; парочку, груженную пакетами из гипермаркета «Карусель». Никто, кроме самого младшего из цыганской семьи, не обратил на Однолота никакого внимания.

- Чего тут? – спросил младший, цыганенок лет двенадцати.

- Ничего.

- Закурить есть?

- Проплывай.

- Кало шеро![5 - Болван!]

Цыганенок презрительно сплюнул на пол и скрылся в подъезде. Чтобы через секунду возникнуть в окошке и сунуть Паше «фак», что еще за калошеро такое?

Слово привязалось к Однолету, и он почти пропевал его про себя, пока ставил галочки напротив номеров квартир, где отзывались на его домофонный призыв. Их оказалось почти сотня – против двадцати не откликнувшихся. С ними и придется работать.

Паша снова вернулся в теплый подъезд, вызвал лифт и, оказавшись в нем, нажал кнопку самого верхнего – двадцать пятого – этажа. Парадигма поиска, сформировавшаяся в сознании опера, была простой и стремной одновременно. Подходим к искомой двери, для подстраховки прислушиваемся к звукам внутри и, если звуков не наблюдается, суем один из двух ключей в замочную скважину. И – проворачиваем. О том, что будет дальше, Паша не задумывался. Что будет – то и будет, война – херня, главное – маневры.

Рейд по этажам – с двадцать пятого по четырнадцатый – никаких результатов не принес: за дверями безответных квартир бурлила жизнь, что-то крякало, звякало, пело и лепетало телевизионными голосами. К двум «тихим» квартирам ключи Сандры не подошли.

О чем он думал, когда спустился на тринадцатый? О том, что не суеверен. И о том, что это – дурацкая затея, и Брагин с Вяткиным высмеяли бы его, а Брагин еще и уел бы за непрофессионализм, в своей обычной полуиронической манере. Не должен законник копаться в чужих замках без соответствующего постановления, это, знаешь ли, смердит, – как сказал бы капитан Вяткин. На тринадцатом этаже не смердело. И ничем особенным не пахло.

Почти.

У входа в общий предбанник, куда выходили двери пяти квартир, стояло несколько составленных друг на друга коробок, а в самом предбаннике – велосипедная рама с рулем, но без колес. Рама была увита старой елочной электрогирляндой.

«Остаться на НГ в Питере или нагрянуть к матери в Костомукшу? Сюрпризом, тридцать первого, прямиком под елку, к салату оливье?» – подумал Паша, глядя на гирлянду. Успел подумать прежде, чем его ноздрей коснулся запах. Слабо выраженный и где-то даже приятный. Да нет, он и был приятным, чуть сладковатым, похожим на шлейф от духов. Молодая девушка вряд ли на такие польстится, а вот женщина в годах – очень даже. Пашина мать, к примеру. Косметику она терпеть не может, и не красилась никогда, и губы не подводила, а вот духи – ее слабость. Любые, но обязательно сладкие.

Эти бы ей понравились.

Сопровождаемый запахом, Паша приблизился к квартире номер 1523, возле которой в его блокноте стоял вопрос. И приложил ухо к двери.

От дверного проема тянуло холодом, как если бы где-то в квартире было открыто окно. И никаких посторонних звуков, полная тишина. Запах мгновенно улетучился, да Паша и забыл о нем – тоже мгновенно. А все потому, что ключ подошел. Не тот, что подлиннее, с затейливой рифленой бородкой, а обычный, от английского замка. Ключ провернулся в замке на пол-оборота, что могло означать только одно: дверь просто захлопнули, заходя в квартиру или выходя из нее.

Прежде, чем толкнуть дверь, Паша осмотрелся: ни души, велосипедная рама, гирлянда, шум работающего лифта за стеной. Вдруг остановится здесь, на этаже?

Но лифт проехал мимо, а опер Однолет наконец вошел в квартиру номер 1523.

Это была однокомнатная квартира. С совсем маленькой прихожей и кухней напротив входной двери. Шторы на кухонное окно повесить не догадались, так что теперь в нем маячило множество других окон – светящихся, принадлежащих

соседним корпусам. А здесь, в квартире, было темно, и Паша постоял пару минут, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте. Толком они не привыкли, но уже можно было различить несколько дверей по бокам. Та, что справа, вела в комнату и казалась плотно прикрытой, и именно из-за нее проникал в прихожую холодный воздух.

Вышла на улицу, а окно закрыть забыла, растяпа, – с какой-то неуместной нежностью подумал о Сандре Однолет. И, нащупав выключатель на стене, щелкнул им, – в прихожей загорелся свет. Она и впрямь была пустой, если не считать куртки, одиноко висящей на одиноком крючке. Куртка сразу испортила Паше настроение: дорогая, кожаная, мягкая даже на вид, – и мужская.

Обуви не было никакой, даже домашних тапочек-унисекс. И Паша успокоился. Почему-то.

Ванная и туалет слева по борту, к ним он вернется позднее. Теперь кухня. Так.

Кухонный гарнитур из Икеи (квартиры в таких домах всегда набивают Икеей) – почти стерильный, ни единого предмета на поверхности, если не считать кофемашины с логотипом «Bosch». Запредельно дорогой, судя по космическому дизайну. Холодильник тоже выглядел вернувшимся из космоса. Вернее, из тех слоев атмосферы, где зарплата оторвавшихся от грешной земли астронавтов исчисляется цифрой с шестью нулями. Аэрография на дверцах (холодильник открывался как обычный двустворчатый шкаф) воспроизводила страницу какого-то комикса. Мрачного и захватывающего одновременно. Люди с птичьими головами, пёсьими; люди, занесенные песком и опутанные проводами. И опутанные друг другом, потому что постельная сцена тоже присутствовала. И скафандры, и гермошлемы, и кошки, смахивающие на маленьких пантер.

Много-много кошек.

Пять. Или семь. Но могут появиться и новые, от этого комикса всего можно ожидать.

Паша не удержался и даже заснял веселые картинки на смартфон. Стараясь, чтобы в кадр не попали коробки из-под пиццы, пять коробок. Или семь. Они валялись прямо на полу, возле холодильника, чем нарушали идеальный облик кухни. Где, судя по всему, не было приготовлено ни одного блюда, а стол и

стулья отсутствовали. Паша сунулся в холодильник и обнаружил там упаковку пива, упаковку минеральной воды «Сан-Пеллегрино» и гранат величиной с голову младенца. Ну, или кошачью, – совсем как в комиксе.

Всё.

Имеет ли право оперативный работник на бутылку минералки? А лучше – пива? В данных конкретных обстоятельствах – нет. Сглотнув слюну, Паша захлопнул дверцы холодильника и коснулся пальцами белого облачка над головой нарисованной девушки, чем-то похожей на Сандру.

EMBRASSE MOI

Это мысли? Слова? Что они означают?

Ничего хорошего для Паши Однолета, ничего вдохновляющего. Девушка сидит за спиной птицы, человека-птицы с хищной орлиной головой, и вовсе она не похожа на Сандру. Ловить нечего.

У двери в комнату снова возник сладковатый запах духов: вынырнул из Пашиной свежестриженной бороды и тут же зарылся обратно. А потом Паша потянул дверь на себя, сделал шаг вперед и застыл на пороге. И еще несколько секунд по инерции соображал, готов ли он был увидеть то, что увидел? Или это стало для него полной неожиданностью?

Не готов. Но и не такой уж полной.

Комната, как и кухня, была почти пустой. Пара плакатов на стенах, какая-то акустическая система на полу и постель. Если можно назвать постелью брошенный на пол высокий матрас, покрытый простыней. Были еще подушки. Две. На одной из них покоилась голова человека.

Человек оказался мертв.

И был полностью обнажен. А высокие, туго зашнурованные ботинки лишь подчеркивали его наготу. И немного скрашивали впечатление от малоприятной картины: голый, а в ботинках, нелепость какая-то, идиотская глупость. И сморщенный член – глупость и нелепость, и кубики на животе, и хорошо развитая линия плеч, и шапка волнистых, темных волос, украшенных десятком разноцветных жгутов из мулине – расточек.

Откуда Паша знает про расточки?

От Бо.

Бо плела расточки собственноручно, и – через полчаса после знакомства – предложила податливому, как воск, Однолету приобщиться к растаманской культуре, «чьим неотъемлемым элементом они являются». Ну и Боб Марли, разумеется. И марихуана.

Возможно, на Бо и Бобе они и выглядели органично, но только не на курсанте школы МВД, – о чем Паша и сообщил, слегка смущаясь.

– Ну, ты и зануда. Бескрылый тип, – сказала Бо. – А ведь это была бы крутая фича, поверь.

– Крутая – что? – переспросил Однолет.

– Фишка, ну. Ловишь маньяков, а у самого – расточки.

– Я не ловлю маньяков.

– Когда-нибудь начнешь, да?

– Может быть.

В виш-листе Павла Однолета напряженный психологический поединок с серийными убийцами прочно занимает первую позицию.

– Ну вот, расточки бы тебегодились. Они кого хочешь в заблуждение введут. Маньяки – не исключение. Они кто?

Павел Однолет может прочесть целую академическую лекцию на тему «Маньяки – кто они?», но хотелось бы послушать эксцентричную Бо.

– Кто?

– Те, кто так и не вырос. Кто не умеет защищаться.

Бо многозначительно закатывает глаза, понимай ее как хочешь: кто не умеет защищаться от зла внутри себя? Кто не умеет противостоять злу, идущему снаружи? Остается принять все его условия и просто плыть по течению. Картина максимально упрощена и в том, и в другом случае. И все равно, незрелые мысли Бо по поводу маньяков удивляют.

То, что Паша видел сейчас перед собой, – не дело рук серийного убийцы. Скорее, речь идет о профессиональном киллере. Два огнестрельных ранения: в грудь (в область сердца) и в голову (контрольный).

На вид жертве было около тридцати – молодой парень. Хорошо сложенный, но не перекачанный и какой-то компактный. Наверное, даже красивый, если абстрагироваться от дырки во лбу. Сколько он здесь пролежал – установят медэксперты, тот же Пасхавер; тягаться с ними рядовой полицейской ищейке – бессмысленно. Но это не мешает Паше сделать собственные выводы, предварительные.

Итак.

Дверь в остекленную лоджию распахнута настежь, окна в самой лоджии открыты, так что температура в комнате не слишком отличается от уличной: околоноля. Ночи вообще уходят в небольшой минус, и это не могло не повлиять на скорость разложения трупа.

В разумном удалении от батареи, на которой болтается пара наручников. Паша примерно представляет, что это за наручники, но сейчас дело не в них.

Присев на корточки в небольшом отдалении от тела, Однолет попытался представить картину произошедшего, но ничего, кроме «отсутствия следов борьбы», на ум не пришло. Будь в комнате побольше мебели, будь на парне

одежда – можно было бы сказать определенно, а так – видимых следов борьбы точно нет. Пасхавер разберется. Да, еще разобраться бы, что связывало «расточки» и Сандру, если уж парень оказался в ее квартире. Или это – квартира парня? Или – съемная? Всё выяснится в самое ближайшее время, как только здесь появятся участковый и следственная группа, и дело завертится.

Вот только куда подевалась одежда? Парень не мог прийти сюда только в куртке и ботинках. И да, это хорошие ботинки. Попсовые. Что-то похожее на замшу, с гладкими кожаными задниками и кожаными шнурками. Вот уже полгода Паша копил на «Тимберленды», но эти... Эти были в разы круче, в такие и влюбиться недолго. Влюбиться.

Опасная тема, – особенно когда это касается мертвых. Ведь оба они мертвы – и тот, кто остался в квартире, и та, которая вышла из нее. Не исключено, что они могли заниматься любовью друг с другом, именно здесь, на этом ложе. Красивые люди, почему нет? Красивые – прямо как из рекламы туалетной воды или плазменных телевизоров, только кончилось все печально. Они что-то совершили – или парень, или девушка, или оба – то, из-за чего убивают. Или, наоборот – не совершили. Или оказались ненужными свидетелями, или, наоборот, – самыми важными. Непонятно только, зачем понадобился автобус. Автобус усложняет задачу, которую неизвестный убийца мог решить прямо здесь, в квартире, вдали от посторонних глаз. Для этого достаточно было не выпускать отсюда Сандру живой. Тогда парочку не хватились бы еще долго. И Паша Однолет не появился бы в квартире 1523 никогда.

Зато теперь он знает, как зовут голого парня, – Филипп Ерский.

Вернее, Philip Ersky.

Так утверждает плакат на стене, один из двух, – Паша обратил на него внимание только сейчас. Это не плакат даже – афиша. Филипп на афише – в смокинге или во фраке, или как называется костюм, в котором музыканты выходят к публике? Голова Филиппа запрокинута и прижата к левому плечу: Филипп играет на скрипке – вдохновенно, если судить по выражению лица. Ни спутанные волосы, ни расточки, вплетенные в них, нисколько ему не мешают.

Он скрипач. И лауреат международных конкурсов.

Из заявленного в программе: Сибелиус, Равель, Бела Барток.

Концерт состоялся около года назад, 15 декабря, в замке Нимфенбург, в сопровождении Мюнхенского филармонического оркестра. Интересно, расточки остались те же или пришлось вплести новые? Станный все-таки человек – Паша Однолет, думает о всякой ерунде.

О ботинках. О любви. Об айкидо и «охоте на лис», которыми занимался в школе, но не особо продвинулся. А если бы выбор пал на скрипку? Смог бы он стать лауреатом международных конкурсов? Добраться до замка Нимфенбург и исполнить там скрипичные концерты Сибелиуса, Равеля и Белы Бартока? Карьера классического музыканта хай-класса все равно что спорт высших достижений. Она предполагает бесконечные перелеты, гастролы, контракты, интервью в прессе, съемки на ТВ, гонорары в долларах и евро.

Нет. Ничего похожего Паше не светит. И не светило никогда.

Опер Однолет – скромный парень из Костомукши, без особых талантов и перспектив. Окажись он в однушке многоквартирного дома на окраине Питера, – хоть живой, хоть мертвый, ни у кого бы и вопросов не возникло. Ну, то есть узкопрофессиональные, следственные возникли бы, но не более. А вот звезда классической музыки в подобных интерьерах – это нонсенс. Из всего скудного антуража Филиппу Ergsky соответствуют только закомиксованный холодильник и кофемашина, остальное никак не привязать. И кому вообще понадобилось убивать скрипача?

Не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет.

А в скрипачей, значит, можно?

Шорох за спиной заставил Пашу обернуться. На пороге комнаты стоял давешний цыганенок из вестибюля и во все глаза смотрел на мертвого Ergsky. Он даже рот приоткрыл от удивления и любопытства. И не посчитал нужным его захлопнуть, когда Однолет оказался рядом.

– Ааааа, – вылетело из цыганенка, стоило только Паше крепко взять его за плечо.

- Тихо, - скомандовал опер.

Цыганенок и не думал затыкаться, его «ааааа» усилилось, и в нем появились какие-то старческие, надтреснутые нотки. Примерно такими голосами нищие с рынков жалуются, что у них отняли копеечку. Цыганенок извивался, как только что пойманная рыба, и все норовил ускользнуть. Паша переместил руку с плеча на воротник рубашки и, дернув за него, слегка приподнял мальчишку над полом.

- Аааасукааааа!

- Цыц. Я из полиции, понял?

- Пусти, сукааааа, - заныл цыганенок, слегка сбавив обороты.

- Знаешь его? - Паша подбородком указал на тело.

- Пусти.

- Знаешь?

- Знаю девчонку.

- Какую?

- Которая здесь бывает.

- Черные волосы короткие, красивая?

- Она мне двести рублей должна.

- А может, пятьсот? Или тысячу?

- Откуда узнал?

- Вид у тебя такой. Как будто все тебе должны.

Цыганенок был типичным представителем своего племени: смуглый, кареглазый, с жесткими, как проволока, черными волосами. Передний зуб мальчишки сколот, ресницы – пушистые и длинные, на правой щеке – пятно: то ли от сока, то ли от соуса. Маленький засранец, которого несколько не испугала чужая смерть. Даже удивительно.

- И сигареты. Она у меня брала.

- Давно?

- Почем я помню? Недавно.

- Тебя как зовут?

Мальчишка ответил не сразу, как будто раздумывал: всучить Однолету свое имя бесплатно или продать подороже?

- Ну? – Всем своим видом Паша дал понять, что торг здесь неуместен.

- Шуко. Отпустишь меня? Не убегу.

- Конечно, не убежишь. Интересно тебе, да?

- Думаешь, я трупаков не видел? – Шуко лихо сплюнул через осколок зуба. – Еще как видел.

- Здесь?

- Не. В другом месте. Где мы раньше жили. В Екате.

- В Екате?

- Город такой. Екат. Ну, или Ебург.

«Екатеринбург», – дошло наконец до Паши.

- А в Питере вы давно?

Шуко почесал грязным пальцем переносицу:

- Давно. Зимой прошлой приехали.

- Прямо сюда?

- Не, сначала у Бахти жили, но там народу полно. Потом здесь.

- А девушка?

- Не знаю.

- Ну, ты же ей деньги одалживал. Сигареты. Сюда заходил?

- Не.

- А сейчас зачем зашел?

- Дверь открыта. Вот и зашел.

- Всегда в открытые двериходишь? - Паша попытался придать своему голосу надлежащую строгость.

- Не.

Мальчишка - мелкий мошенник, и лет через пять-семь примкнет к контингенту, с которым Паша сталкивается исключительно по работе. Паша будет ловить Шуко, а Шуко - вырваться из силков, и неизвестно - кто кого переиграет. Уже сейчас отказать мальчишке в чумазом обаянии невозможно.

- Кого-нибудь видел возле этой двери? Кроме девушки?

- Собаку.

- Какую еще собаку?

- Почем я знаю? Сидела тут собака на днях. Белая. А башка рыжая.

- И что?

- Ничего.

- Выла?

- Не. Я ей колбасы дал.

- Съела?

- Само собой.

- А потом?

- Опять за колбасой пошел, а она убежала... Ай. Вспомнил. Она с кем-то по телефону разговаривала.

- Собака? - удивился Однолет.

- Ай, кало шеро! - Шуко снова сплюнул и засмеялся. - Придумал тоже. А еще полиция. Собаки не говорят по телефону. Девчонка говорила. Возле лифта стояла и говорила...

Так. Мальчишку с Сандрой не связывает ничего, кроме нескольких встреч в подъезде. И скорее всего, они даже не словом не перекинулись. А гипотетический долг - всего лишь цыганские вымогательские фантазии. И снимки вряд ли расстроят Шуко, если уж труп в луже запекшейся крови не вызвал никакой реакции, кроме любопытства. Рассудив так, Паша вытащил из кармана фотографию Сандры и сунул ее под нос цыганенку.

- Она и есть?

Шуко вглядывался в девушку чуть дольше, чем рассчитывал Однолет, но в результате принялся интенсивно кивать головой. Паше даже на секунду показалось, что она оторвется.

- Ну.

- Может, вспомнишь, о чем она говорила по телефону?

- Вспомнил.

- Слушаю тебя внимательно.

- Штуку мне должна. Вот.

- Издеваешься?

Это была такса. За дальнейший слив информации, если Паша Однолет согласится. Можно снова ухватиться за воротник засранца и хорошенько потрясти, чтобы выбить дурь, – только такие манипуляции вряд ли помогут делу. Шуко, несмотря на юный возраст, – крепкий орешек.

- Тебе решать, – дипломатично заметил мальчишка.

Быстро посчитав в уме сумму, оставшуюся после посещения «Серпико», Паша сказал:

- Пятьсот.

- Семьсот.

- Не на базаре.

- Ладно, – снизошел Шуко. – Гони ловэ.

После того как смятые купюры перекочевали в цепкие ручонки мальчишки, он на секунду задумался и снова почесал переносицу:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Славой Жижек – словенский культуролог и философ.

2

Фрэнсис Фукуяма – американский философ и политолог.

3

Фредерик Бегбедер – французский писатель, автор романа «99 франков».

4

Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица.

5

Болван!

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/viktoriya-platova/lovushka-dlya-ptic>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)